

Р 28.574

И. ГРУЗДЕВ, О. ФОРШ

НАЧАЛО ПУТИ

ИСКУССТВО

74

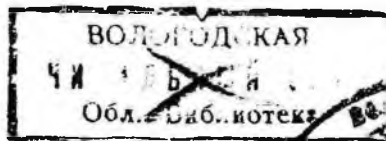
И. ГРУЗДЕВ, О. ФОРШ

НАЧАЛО ПУТИ

ПЬЕСА В ЧЕТЫРЕХ АКТАХ,
ДЕСЯТИ КАРТИНАХ

по автобиографическим повестям
М. ГОРЬКОГО

28574.

1941

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ИСКУССТВО"
Москва — Ленинград

Разр. ГУРК № 305/40/г

Г-90 + русский

Обложка художника
А. Кучерова

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Алеша Пешков.

Акулина Ивановна Каширина, его бабушка.

Василий Васильевич Каширин, его дед.

Варвара Васильевна Пешкова, его мать.

Дядя Михаил } сыновья В. В. Каширина.

Дядя Яков }

Саша, сын Якова Каширина.

Катя, дочь Михаила Каширина.

Григорий, мастер в красильне.

Цыганок, подмастерье.

Евгенья, нянька в семье Кашириных.

Часовщик.

Матрена Ивановна, сестра А. И. Кашириной.

Смурый, повар на пароходе.

Кострома }

Хаби } товарищи Алеши Пешкова.

Вяхирь }

Пассажиры на пароходе, народ на пристани.

Акт I

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Общая каюта на большом волжском пароходе. На лавках, сундуках, узлах, вдоль стены с круглыми окнами спят разнообразные пассажиры третьего класса. На своих вещах спит бабушка Акулина Ивановна Каширина. Мать Алеша, Варвара Пешкова, закинув голову, стоит, прислонясь к стене. От горя лицо у нее железное, слепое, глаза крепко закрыты. Алеша, примостясь на узлах и сундуках, с жадным любопытством смотрит в круглое окно-иллюминатор. Первые лучи золотят высоко пенящиеся волны. Большая волна вскинулась, хлещет по стеклу окна. Алеша прыгнул на пол, устремился было к матери. Мать попрежнему стоит недвижно.

Тогда он через узлы кидается к бабушке.

Алеша. Бабушка!

Бабушка (сквозь сон). Чего еще? Недреманной... Ни свет ни заря вскочил!

Алеша (указывая на окно, куда продолжают бить волны). Вода стекло прошибет!

Бабушка (с улыбкой гладит внука). Не бойся, Леня, не прошибет. Стекло эвот какое толстое!

Алеша (опять вскочил на узлы, прильнул к стеклу, выкрикивает, озираясь на бабушку). Деревья, бабушка, церкви! Дома ка-а-кие! А воды я не боюсь. Вот оно стекло какое... круглое... как блин!.. (Хлопает по стеклу.) А не то

глазище... как у коня, да, бабаня? (Слезает, подходит к бабушке, которая расчесывает свои длинные волосы. Они ей покрывают плечи и грудь, лежат на полу.)

Бабушка (дочери). А ты что же, Варя, так глаз и не сомкнула?

Варвара (хмуро). Сна нет. (Садится на узлы, угрюмо подпирается рукой, не глядя на сына.)

Алеша (робко подходит к матери, хочет ей что-то сказать, тронул рукой; нерешительно). Мам... (Мать не оборачивается. Скрывая конфуз, Алеша говорит резковато бабушке.) Какие у тебя волосы-то — до полу!

Гудок парохода. Пассажиры поднимаются, потягиваются.

Бабушка. Видно, в наказанье господь дал, расчесышка вот! Ух, окаянные! Смолоду я этой гривой хвалилась, на старости клянусь.

Пассажир (из приказчиков, в чуйке, подвижной человек). Хе-хе! Уж вы скажете, почтеннейшая! Грива-с — это лошадиная принадлежность.

Богомолка-странница (ядовитая старуха в платочке). Без степенности вы, матушка! Волоса — божий дар. Ни им хвалиться, ни его клясть... (нараспев, привычно), а принимать со смирением. Всяко даяние благо, и всяк дар совершен.

Алеша (наскакивает на богомолку). Не с тобой бабаня говорит...

Татарин (хохочет). Петухом на него... петухом кричи! (Изобразил петуха.)

Смех.

Бабушка (смеясь, машет платком на татарина). Научишь добру...

Молодка (богомолке). И что ты все за людей цепляешься? Этакая заноза. Яду в тебе, что в змее! Вот уж, верно, невестку свою поедом ела!

Богомолка (*глаза к небу*). Не сподобил меня господь семью завести! (*Зло.*) А на тебя поглядеть, так и не пожалеешь!

Молодка (*насмешливо*). Да уж верно, куда тебе семью заводять!

Татарин (*смеясь, сверкая белыми зубами, указывает на богомолку*). А если бы он замуж ходил, от него муж бегом убежал. Муж очень скучает, когда с ним злой баба живет!

Алеша (*указывая на татарина, с восхищением*). Баба-ня, какой он смешной-то!

Бабушка. А ты спи, недреманной... Рано еще... Солнышко, и то спохватилось, досыпать пошло, глянь-ко, туча.

Алеша. Не хочу больше спать.

Бабушка. Ну, ино, не спи... (*Оглянулась на Варвару, которая приникла к узлам и закрыла глаза.*) Никак, мать твоя сном забылась. Тихонько говори.

Молодка (*сочувственно*). Мать-то стомилась, видать, убивается. О чем?

Бабушка (*осторожно, озираясь на Варвару*). Муж у нее помер, душа в душу жили. Не в свой срок, не в свой час помер. Пожить бы ему, голубчику... (*Вытирает глаза концом головного платка.*)

Молодка (*Алеше*). И ты, сирота, поплакал бы.

Алеша (*бабушке*). Не хочется...

Бабушка (*обнимая Алешу*). Ну, не хочется, так и не надо. И то сказать: есть горе на земле, а и радости много. (*Обняла Алешу, к окну.*) Вот опять солнышко глянуло, и красота же кругом... глянь, Олешенька!

Пассажир. За кипяточком пойти-с! (*Уходит с чайником.*)

Алеша (*пальцем ласкает бабушкину щеку*). А ты опять плачешь?

Бабушка. А это уж не с горя, а с радости. (*Смеет-*

ся.) И от старости. Стара твоя бабка, Олешенька, за шестой десяток мой весны-лета перекинулись-пошли.

Татарин (*увязывает рядом свои вещи, сверкнул в улыбке зубами, подошел, хлопнул бабушку по плечу*). Молодой ты... совсем не старый! Не бабка ты — внучка. У тебя слова — не трава, твои слова — мелка денга, золотой монета твои слова. Говори опять сказку, до Нижнего еще долго идем.

Молодка. Бабушку послушаем — время скоротаем.

Пассажир (*возвращается с чайником, наливает чай, подает бабушке кружку*). Уважение вам, почтеннейшая...

Бабушка (*принимает с поклоном*). Уж за что уваженье-то...

Пассажир. За занимательность вашу (с жестом), за воображение-с!

Алеша. Про дьяка Евстигнея, бабаня, скажи.

Пассажир наливает чаю молодой, татарину, Алеше. Страница-богомолка отсаживается в сторону со своим чаепитием. Слушает бабу, поджав губы, под конец негодуя.

Бабушка (*прихлебывая*). Что ж, можно и про Евстигнея... (*Выпила, с поклоном вернула кружку пассажиру, одернулась, уселась поудобнее*.) Вот, значит:

Жил-был дьяк Евстигней,
Думал он, нет его умней
Ни в попах, ни в боярах,
Ни во псах самых старых.
Все ему не так да не этак.
Взглянет на церковь — низка,
Покосится на улицу — узка,
Яблоко ему — не румяно,
Солнышко взошло рано.
На что не укажут Евстигнею,
А он...

(Надувает щеки, выкатывает глаза, доброе лицо ее делается глупым и смешным, она говорит ленивым голосом.)

Я-ста сам эдак-то умею,
Я-ста сделал бы лучше вещь эту,
Да все время у меня нету.

Татарин (кричит). Постой, постой! Как его в твоей сказке зовут?

Алеша (весело). Забыл? Эх, ты! (Веско.) Евстигней, дьяк!

Татарин (азартно). Ну, совсем осел этот Евстигней, глупый, по-нашему, человек, пуста башка!

Молодка. А и весело ты, бабушка, говоришь. Должно, душа твоя добрая.

Пассажир (с восхищением). Прямо на ярмарку на нижегородскую вас, почтеннейшая. (Подает еще кружку чая с баранкой.) Наше вам уважение!

Богомолка (бабушке). Довольно неприлично в ваших годах над такой особой смеяться. Одно сказать просто Евстигней, иное совсем — дьяк Евстигней... Нехорошо, матушка!

Всем становится скучно от ее слов.

Бабушка (спокойно). Из песни, сударыня, слова не выкинуть... (Алеше, тихонько смеясь.) Вот какой Евстигней едучий! Упрямя, вроде бы дедушка наш.

Алеша. Какой дедушка?

Бабушка. Да родимый твой, тятя мамы твоей.

Татарин. К нему мальчишку везешь?

Бабушка. А больше-то и некуда. Отца только что схоронили. (Указывает на Варвару, тихо говорит.) Ишь, как по мужу убивается. (Варваре, громко.) Ты хоть поела бы чего, Варюша!

Варвара. Оставьте, мамаша, кусок в рот не идет.

П а с с а ж и р (закусывая). При огорчении, почтеннейшие, это точно, аппетит покинуть нас может...

Т а т а р и н (горячо, сочувственно Варваре). Мальчик твой малый, жизнь его большой — опять новое тебе будет, хорошее будет!

Два протяжных гудка парохода. Входит бородатый матрос, говорит густо: «Нижний». Люди засуетились. Бабушка, схватив Алешу за руку, бросается к окну.

Б а б у ш к а (кричит). Гляди, Олешенька, гляди.. вот он, батюшка Нижний-то! *(Дочери.)* Варюша, погляди, чай, а? Поди, забыла родной город? Вот он какой, богов! Порадуйся!

В а р в а р а (хмуро улыбается). Уж пойдемте, мамаша, наверно, встречают нас.

Б а б у ш к а (Алеше). Подожди, Олеша, здесь, задавят тебя в толчее.

Пассажиры уходят, толпясь в узких дверях.

М а т р о с (задерживая бабушку и указывая вслед Варваре, говорит). Не весела у вас молодка-то?

Б а б у ш к а (охотно объясняет). Муж у нее помер... *(кивает на Алешу)* отец его... *(Идет за Варварой.)*

М а т р о с (ласково глядя на Алешу). Ну, как теперь будешь? Схоронил тятю?

А л е ш а. В дождь схоронили... Во хлестал! Яма большая, на кладбище, в самом углу. Вода на дне так и хлюпала. Я на бугор влез...

М а т р о с. Это чтоб видней было?

А л е ш а (увлеченный воспоминаниями). Ну, да! А дождем бугор-то размыло: я лезу, а ноги так и едут назад. Уж я за ветку держался. Мужики лопаты положили, тятин гроб в яму опускают. Ка-ак ухнет он... прямо в

воду. Желтая крышка на нем. А на крышке этой две лягушки сидят. Из воды этой выскочили...

Матрос (поднял Алешу на руки, крепко к себе прижал, поцеловал). Эх, брат, ничего ты еще не понимаешь...

Алеша (прерывает возбужденно). Яму до самого верху засыпали. А лягушек землей опять на дно сшибло. Уж не вылезти им на волю...

Матрос. Да раздуй их горой, твоих лягушек! Ты, брат, мать пожалей, вон как ее горем ушибло.

Над каютой загудело, завывало. Матрос заторопился, опустил Алешу на пол, бросился вон.

(Убегая.) Ну, прощай, брат, бежать надо!

Алеша (оставшись один, испуганно повторяет). Бежать надо! (Убегает.)

Из общего гула и сутолоки выделяются возгласы: «Чей мальчик? Чей ты? Эй, кто знает, чей он?»

Матрос. Это астраханский! Из каюты. (Схватив Алешу в охапку, вносит его в каюту, сажает на бабушкин узел, грозит ему пальцем.) Убеги мне еще... жди смиренно тут! Сейчас придут за тобой. (Уходя, щелкнул задвигающую дверь.)

Алеша снова бросился ему вслед. Дверь заперта. Он яростно заколотил в закрытую дверь кулаками, вдруг замер. Прислушивается.
Голос Варвары: «Папаша!»

Дед (входя). Что, дура, то-то... эх, вы-и! (Подскокил к Алеше, грозно.) Ты чей таков будешь?

Алеша (не смущаясь). Астраханский, из каюты!

Дед (Варваре). Чего это он мелет! (Отодвинув Алешу, говорит рывком.) Скулы-то отцовы... (Обращаясь ко всем, командует.) Ну, забирайте узлы, полезайте в лодку!

Бабушка (положила Алеше на плечо руку и по мере того, как люди с узлами проходят мимо них, знакомит его с ними, называя каждого). Вот это дядя Михаил, это дядя Яков. Вот твой брат Саша, сестра Катерина, Цыганок, подмастерье. (Уже в дверях, уходя последней и ведя впереди себя Алешу.) Это все наше племя — во сколько!

За сценой шум, слова команды. Голос капитана: «Прямо держи, рябая морда, пря-мо!»

Дед (за сценой). Все ли на местах? В порядке? Ну, с богом!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Комната в доме Кашириных. В окна видны главы маленькой церкви. Сбоку дверь в кухню, виден угол печи со ступеньками впаза. Накрытый к обеду стол. У окна в углу икона. Лицом к ней стоит вся семья. Зрителю видны лишь спины, сгибающиеся от поклонов.

Впереди всех дед, читает молитву, внятно, со взрывами.

Дед. «...Хлеб наш насущный даждь нам днесь... и остави нам долги наши... яко же и мы оставляем должником нашим... и не введи нас во искушение... но избави нас от лукавого...»

Во время молитвы Яков бьет из озорства по затылку детей, нагибает их, чтобы ниже отвешивали поклоны. Саша и Катя покорно сгибаются, Саша при этом мелко крестится. Алеша не дается, отскакивает, Михаил грозит ему кулаком. В это время дед кончил, обернулся, все присмирели.

(Говорит не без торжественности.) Садитесь, помолясь!

Все рассказываются — дед, бабушка, дядья, Варвара, дети, нянька Евгенья, Григорий, Цыганок.

(Обращаясь к Алеше.) Ну, Олешка, чего сегодня делал?

А л е ш а. Играл.

Д е д. Вижу по желваку на лбу.

Саша хихикнул.

Это не велика мудрость желвак нажать. А ты у меня Аника-воин «Отче наш» заучи! Чтобы знать без запинки!

Е в г е н ь я. Вот Василь Василич молится, уж словечка не уронит...

Б а б у ш к а. А скушно, поди-ка, богу-то слушать моление твое, отец. Всегда ты твердишь одно и то же.

Д е д (грозно). Чего-о это? Чего ты мычишь?

Б а б у ш к а. Говорю, от своей-то души ни словечка господу не скажешь.

Д е д (стукнув по столу). Цыц, еретица! (С жестом.) И молитвам законы есть. А всяк нарушающий непослушанием законы божии наказан будет горем и погибелью! Вот, Лексей, помни это!

А л е ш а. Это ты говоришь, чтобы я слушался тебя?

Дядя фыркают, улыбаются и другие.

Д е д (строго). Ну, конечно. Еще бы не слушался ты! Тут и поболе тебя есть (жест в сторону сыновей), да слушать меня должны. (Михаилу, Якову.) Вы что? Эх, вы-и...

М и х а и л. Да что же, папаша, мы...

Д е д (передразнивая). «Да что ж? Да что ж?» (Хвастливо.) Что с вас толку? Вот я, кто я был? Сирота, нищей матери сын, в лаптях пришел в Нижний. А вот дошел до своего места — старшиной цеховым был, начальник людям. И в доме добытчик. (Сыновьям.) А вы? Эх, вы-и...

Михаил и Яков жмутся под его взглядом.

К а т я (испуганно вскочив из-за стола). Ах!

Б а б у ш к а. Что ты, Катюшка?

К а т я. Таракан!

Цыганок. А вот его... (Схватывает таракана около самой тарелки Кати, прячет себе за пазуху.)

Б а б у ш к а. Ох, не люблю тараканов.

Е в г е н ь я. И на что ты тараканы сдались? Господь всякой тле дело дал: мокрица показывает, что в доме сырость; клоп — значит стены грязные; вошь нападает — к болезни, — все понятно. А эти, кто их знает, какая в их сила?

Д е д (обрывая, держа перед собой ложку). В тебе-то, видать, сила глупая. Про нечисть такую болтовню завела, что ложка в рот не лезет. (Цыганку.) Задавил, что ли, таракана?

Цыганок (весело). Никак, Василь Василич... Это мой таракан, ученый..

Д е д (недоверчиво). Что брешешь?

К а т я (оживленно). Верно, верно. Он — из него выполз. У него и еще есть. Как он запряжет их четверкой в сани бумажные... как они дернут нитки... как повезут...

С а ш а (подхватывая). А он лучинкой их гонит, — кричит: за архереем поехали...

А л е ш а (онемел от восторга, хлопнул ладонями). Вот здорово! (Цыганку.) Неужто? Ваня?

Д е д (строго). Ты у меня, Иван, в доме цирка с архереем не устраивай. За это — не хвалят...

Цыганок. Никак, Василь Василич... Архерей — это я в нарошку...

Григорий, плохо видя, шарит вокруг тарелки, ищет краюшку хлеба, которую утащил у него Яков. Михаил, подмигнув Якову, протягивает руку к полену, отрывает кору, схожую видом с горбушкой черного хлеба, передает ее Саше.

Б а б у ш к а. Ты чего шарить, Григорий?

Г р и г о р и й. Хлеб-то.., хлеб... не вижу...

С а ш а (*уветливо*). Свой хлебушко ищешь, дядя Григорий? Вот он... (*Подает корку.*)

Я к о в. Ох, хороша краюха...

Григорий доверчиво кусает, вскакивает, плюет на пол, бросает дерево. Дядья и Саша хохочут.

Б а б у ш к а (*сыновьям, гневно*). Рожи бесстыжие! Злыдни! (*Подает Григорию свежий кусок хлеба.*) Садись скорее, щи простынут...

Д е д (*яростно, сыновьям*). Пороть вас... пороть, как ребят!

А л е ш а. Как это пороть? Это ж матерю порют?

Смех.

Д е д (*зловеще*). Аль тебя отец не парывал?

В а р в а р а (*с вызовом*). Никогда отец его не бил. И мне бить запрещал.

Д е д (*язвительно*). Это что ж у вас, новый фасон?

В а р в а р а. Говорил Максим: битьем забьешь, а не выучишь.

Д е д. Дурак он был во всем, твой Максим, покойник, прости господи. (*В сердцах плюнул.*) А по-нашему так: за битого двух небитых дают.

Алеша обиделся, перестал есть. Сердито смотрит на деда.

Ты это что? Федул, губы надул... тоже — с амбицией! Вот поживешь у меня, так увидишь, как порют. Налюбуешься...

В а р в а р а (*вспыхнула*). За что, папаша, обижаете? И мужа моего, покойника, нехорошо поминаете.

Д е д (*хмуро*). Ну, ну, уж ладно... Эх, вы-и... (*Неумело погладил дочь.*)

Я к о в (*Михаилу, понизив голос*). Что-то ласков отец с Варварой. Неровен час, отдаст ей приданое.

Михаил (так же). А дела-то в красильне все хуже идут.

Яков. Чего доброго, ни с чем останемся.

Михаил (угрюмо). Ты как себе хошь, а я выдела потребую.

Варвара (деду). Приехать я не успела, как обиды...

Михаил (громко, с вызовом). Чай, не семью поглядеть, сестрица, ехали, а приданое свое выманить.

Яков. По старому обычаю, самокруткам приданого не дают.

Бабушка. Уймись, Яков!

Дед (вскочил). Цыц!

Михаил. Чего цыц?

Яков (отцу). Обошлась сестра без твоего родительского благословения, значит, и без приданого обойдись.

Варвара (встает). Да подавитесь вы этим придаными!

Михаил (вскочил, наступает на деда). Дела в красильне все хуже, заказов все меньше. Выделяй нам нашу долю!

Дед (с яростью). Вот вы как? Дети родные...

Яков. А приданое Варьке отдавать не закон!

Михаил. Дели! Меж нас дели!

Дед (покрывая своим голосом всех). Молчать! Никому не дам. Я — добытчик, и все — мое.

Варвара (в отчаянии). Уйду я... Куда глаза глядят, уйду! (Выбегает из кухни.)

Алеша кидается к бабушке, она крепко его к себе прижимает. Нянька отгоняет от стола детей, Сашу и Катю, тащит вон из кухни. Падают стулья, опрокидывается посуда. Дядья, перегнувшись через стол, воют и рычат на деда, встряхиваясь, как собаки.

Дед (стучит ложкой по столу, звонко, петухом кричит). По миру пушу!

Бабушка (с мольбой и страданием). Отдай им все, отец. Спокойней тебе будет. Отдай!..

Д е д (в ярости). Ты! Потатчица! (Михаилу.) Ладно, Мишка, выделю тебя за реку...

М и х а и л (орет). Не поеду я за реку, пусть Яшка едет. Красильню в городе мне отдавай!

Я к о в (с издевкой). А я — куда? Накось, выкуси! (Жест.)

Михаил ударил брата наотмашь по лицу. Яков взвыл, сцепился с ним. Покатились по полу, хрипя и ругаясь. Широкоплечий подмастерье Цыганок сел верхом на спину Михаилу, а мастер Григорий уверенно связывает Михаилу руки полотенцем. Алеша вскочил на печь.

Д е д (бегает вокруг стола, жалобно вскрикивая). И это братья? Родная кровь? Эх, вы-и-и...

Алеша, свесившись с печи, в изумлении и страхе смотрит, как бабушка в дверях кухни под ручкой смывает кровь с разбитого лица дяди Якова, который топает ногами и плачет.

Б а б у ш к а. Окаянное, дикое племя! Помнитесь!

Д е д (натягивает на плечо изодранную рубашку, кричит бабушке). Что, ведьма, народила зверья?

Григорий и Цыганок уводят Михаила, за ними с воем идет Яков.

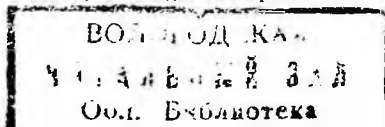
Б а б у ш к а (рухнула перед образами). Пресвятая мать божия, верни разум детям моим!

Алеша наблюдает, свесив голову с печи.

Д е д (указывая на стол, где все опрокинуто, пролито, горестно говорит, тяжело переводя дух). Гляди, мать, гляди за ними! Чего доброго, они Варвару-сестру... Изведут они Варвару-то...

Б а б у ш к а (вставая). Полно, отец! Сними рубаху-то, я зашью.

Дед подает бабке рубаху. Они рядом сидят на скамье. Она шьет, он в печали, с обидой говорит.

Д е д. Правда твоя, мать... видно, делиться надо!

Б а б у ш к а. Надо, отец, надо...

Д е д (*подозрительно*). Знаю, знаю, ты детей любишь боле меня. А дети все добро растащут, Яшка-то с Мишкой пропьют мое добро, промотают!.. Дети-то...

А л е ш а. Ой!.. (*Неловким движением, весь поглощенный зрелищем, столкнул с печи утюг.*)

Загравев по ступеням влаза, утюг шлепнулся прямо в лохань под раукомойником. Дед в два прыжка подбежал, стащил Алешу с печи, держит его, уставился на него настороженно, как ястреб.

Д е д. Кто тебя подслушивать посадил? Мать?

А л е ш а. Сам я на печь влез, испугался.

Д е д. Врешь!

А л е ш а (*смотрит прямо в глаза деду*). Пес врет, а я не вру. Говорю тебе — испугался.

Минуту продолжается поединок взглядов. Потом дед тихо говорит.

Д е д. Весь в отца! (*Отталкивает его.*) Пшёл вон!..

Акт II

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Красильня. Помещение, похожее на сарай, с низким потолком. Кипящие чаны, вделанные в печь. Григорий, в темных очках, лысый, бородатый, с большой мешалкой около котла, окутанный паром. Стол, с разложенными недошитыми материями. Цыганок работает в углу, стучит молотком, напевает, потом подходит к Григорию.

Цыганок (*заботливо*). Глаза вы натрудили, дядя Григорий, ишь слезятся. Вышли бы на волю, я один управлюсь!

Григорий. Хороший ты работник, Ванятка, ну, все же без меня еще не управишься... Вот помру, тогда уж твоя черед...

Цыганок. Хоть передохнули бы, дядя Григорий!

Григорий. В могиле, видно, передохну. Дай-ка фуксин. (*Строже.*) Фуксин, говорю!

Цыганок бросается за фуксином, подает. Алеша показывается в дверях.

Алеша (*с интересом повторяет*). Фуксин... (*Подходит к Цыганку.*) Вань, а Вань!

Цыганок (*смеясь*). Чего там бормочешь?

А л е ш а. Как это красят?

Цыганок (*у котлов с мешалкой*). А вот берут желтую материю, мочат в черной воде — глянть, а она уже сияняя! Полощут в рыжей (*с веселой ужимкой*), глянть — она красная. Во, видал? (*Вытягивает мешалкой из котла красную материю.*)

А л е ш а (*в восхищении*). Красная! Да как же это?

Цыганок (*спрыгнул с приступка, присел, обхватил Алешу, скорчил смешную гримасу*). А ты рака видал? Рак в реке черный, а в котел попал — красный!

Григорий. Иван, тащи сандал!

Цыганок (*Алеше*). Айда со мной сандал брать. Я тебе сухие краски покажу.

А л е ш а. Сухие!

Цыганок. Сухие. (*С жестом.*) Как песок!

За сценой на дворе слышны скрип телеги, ржание, голос: «Тпру! Чего расселись здесь, пострелята? Брысь!» Вбегают, неловко цепляясь за дверь, Саша и Катя. В руках у них глина, обломки кирпичей.

С а ш а. Давай сюда! Здесь не помешают. (*Показывает на угол.*)

Катя сваливает в кучу обломки.

У, раззява! (*Замахнулся на нее, как взрослый.*) Расколотила, небось!

К а т я. Нет! Целенькие. (*Рассматривает обломки.*)

С а ш а (*повелительно*). Ну, строй, да хорошенько!

К а т я (*строит*). И жить в доме станем? Да?

Цыганок с Алешей несут мешки с краской.

Цыганок. Во, дядя Григорий, сколько, эвот!

Сбрасывают мешки.

К а т я (*Алеше*). Иди к нам в дом жить. Хочешь?

А л е ш а (подходит). Верно, дом. (Заинтересованный, помогает Кате.)

С а ш а (ничего не делает, командует). Ну, вы, работнички!

Цыганок садится в стороне набивать полотнище крашеной материи на квадратную раму. Засыпал мелкие гвозди в рот и работает, вынимая их изо рта один за другим с ловкостью фокусника. Напевает. Привлеченный этими звуками, Алеша водит глазами, ищет муху или шмеля. Цыганок оглядывается, видит Алешу, высыпает изо рта кучу мелких гвоздей, хохочет. Потом говорит подошедшему Алеше.

Цыганок. Это я пою. Гвозди-то не дают петь, так я через них пою. (Вздыхнув.) Нет у меня голоса, а без песни — какая ж работа. (Стучит молотком. Алеше.) Видал, как дядья-то разодрались давеча? И дедушка ши-ибко осерчал. (Лукаво.) Дедушку-то любишь?

А л е ш а. Н-не знаю...

Цыганок (решительно). А я всех Кашириных, окромя бабани, не люблю. Пускай их демон любит.

А л е ш а. А меня?

Цыганок. О-о! Ты — не Каширин, ты — Пешков, другая кровь, другое племя...

Григорий. Иван, еще фуксину.

Цыганок (вскакивая). Мигом, Григорий Иваныч!

Входят дядья, переругиваясь, тяжелые, нелепые.

Яков. Работать надо, Мишка. Вот отец придет.

Михаил. Кому кричишь, лодырь? (Показывает на стол.) С твоего конца не сшито.

Яков. Отлыниваешь, Мишка. На меня работу валишь.

Григорий (подходя к столу и садясь за шитье). А вы не пререкайтесь, ребята, поживей. Отец-то обязательно проверить придет. (Цыганку.) Иван, стань к котлам!

М и х а и л (*искоса, на Григория*). Экой чорт! Еще учит.
Цыганок с Алешей у котлов. Дядя вяло работают, напевают:

Жила-была в Суздале
Барыня незнатная...

Я к о в (*подхватывает*).

И с ней случилась судорга
Оч-чень неприятная...

Ц ы г а н о к. Дядя Григорий, тащить пора.

Алеша влезает на табуретку, глядит в котел. Григорий идет. Саша с Катей заканчивают свой дом.

С а ш а. Ну, ставь трубу теперь. Вот и конец. Можно постояльцев селить, деньги брать.

К а т я. Нет, еще нельзя. На трубу надеть крышечку надо. Снег пойдет, на кровать нападает, будет холодно спать.

С а ш а (*схватил со стола большой наперсток, ставит поверх чурбашки, говорит озорно*). Вот тебе и крышка.

М и х а и л. Эй, Сашка, подай сюда григорьев наперсток!

Саша неохотно подходит с наперстком.

Нагрей-ка его хорошенько, понимаешь? В щипцы зажми.
(Якову.) Слепнет, старый чорт, а все нас учит.

Я к о в. Задарма наш хлеб ест.

Саша нагревает незаметно наперсток в топке котла. Михаил подмигивает Якову на раскаленный наперсток, который ставит на стол около работы Григория Саша. Оба даятся от смеха. Саша угодливо хихикает.

К а т я. Тятя, отдай крышечку!

М и х а и л (*отстраняя девочку*). Сейчас дядя Григорий с этой крышечкой у нас потанцует.

Катя стоит в недоумении, все смеются. Смех переходит внезапно в испуг, когда вместо ожидаемого Григория входит быстрым шагом дед. Деловито осматривает мастерскую.

Д е д (кричит). Иван, купорос от огня дале. Где Григорий не доглядит, там твой ответ! Взорвет купорос-то!

Цыганок (переставляет большую бутыл). Готово-с, Василь Василич.

Дед подходит к столу, надевает очки. Саша, подталкиваемый Михаилом, схватил табурет и кинулся приглашать деда на другой конец стола, подальше от наперстка.

С а ш а (забегая вперед с табуретом). Здесь вам, дедушка, попросторнее будет.

Д е д (отметая Сашу рукой). Экой подхалим! Сам знаю, куда сесть. (Сел на место Григория, чтобы продолжать его работу.)

Михаил и Яков в страхе пригнулись к шитью.

(Едва всунул палец в каленый наперсток, как взревел, схватился за ухо, запрыгал, заорал.) Чье дело, бусурмане? Кто посмел? Кто? Чье дело?

На крик его вбегают бабушка и Варвара. Подбегают Алеша и Цыганок. Один Григорий продолжает невозмутимо мешать в котле.

М и х а и л (гоняет наперсток по столу, дует на него, неожиданно говорит дедушке). Это Сашка сделал. Это он накалил...

Я к о в (вскочил, запальчиво). Врешь! Ты сам его научил!

С а ш а (взревел, указывает на Михаила). Он меня научи-ил!

Б а б у ш к а (в сердцах). Неумное племя! (Михаилу.) Кикимора злоокая!

Д е д (вдруг успокоился, говорит деловито). В субботу выпорю.

А л е ш а (подошел к деду). А дядю Михаила будешь пороть?

Д е д (уходя, искоса взглянул на Михаила, проворчал).
Надо бы!

Б а б у ш к а. Пойдем-ка, отец, я тебе тертого картофеля приложу, как рукой снимет. (Уходит вслед за дедом.)

М и х а и л (ударив кулаком по столу, кричит сестре).
А ты, Варвара, уйми своего щенка, а то я ему башку сверну!

В а р в а р а (наступая на Михаила). А ну, попробуй, тронь!

Михаил попятился. Цыганок улыбается Варваре с одобрением.

А л е ш а (взяв мать за руку, с восхищением говорит Саше и Кате). Моя мать — самая сильная.

М и х а и л (сдерживая злобу). Богатыри приехали!

В а р в а р а (Алеше, взяв его за руку). Пойдем.

А л е ш а (загляделся на Григория, который приготовился опустить в чан только что принесенный кусок материи). Мам... дядя Григорий хочет новое красить. Дай, еще погляжу!

В а р в а р а вышла. Алеша не отрывает глаз от чудес, которые происходят в котле с краской.

А л е ш а. Дядя Григорий, вот здорово-то!

Г р и г о р и й (Цыганку). Забирай, Иван, товар, на бичеву вешать.

Уходят.

М и х а и л (Якову). Пойдем и мы, Яшка. Выпьем, что ли?

Я к о в (хлопая по столу). Поработали! Баста.

Уходят.

А л е ш а (подходит к Саше и Кате). Во как!.. Опустил дядя Григорий серое, а оно вышло синее.

К а т я. А еще есть бордо. У меня платочек бордовый.

С а ш а (равнодушно и независимо). А я сколько раз красил, дедушка даже хвалил меня.

К а т я (почти с испугом). Да что ты!.. когда это?

С а ш а (грубовато). Когда на дворе трава, на траве дрова... а ну, скажи,— не скажешь?

К а т я (занялась скороговоркой, лепечет, пугает). На дрове трава, на траве двора...

А л е ш а (заинтересованно, Саше). Неужто красил? Вот бы мне...

С а ш а. А что ж? (Отгораживает Алешу от Кати.) Хочешь попробовать? (Указывает на чан.) Вон свежей синей краски чан прокипел. Опустит в нее, и все тут. И не пятнами, а ровнехонько покроет, как небо без облачка. Особливо, если белое...

А л е ш а. Да где ж его взять? (Оглядывает себя.)

С а ш а. А возьми новую скатерть из буфета да окрась. Развернут ее в воскресенье к обеду (мечтательно), а она уж не белая, а вся синяя... Вот красиво!

А л е ш а (смотрит недоверчиво на Сашу, но его, видимо, соблазняет предложение окрасить скатерть). А если в чан опущу, выну, а она — пятнами?

С а ш а (закрестился). Что ты! Что ты! Провалиться мне на этом месте. Белое... да оно всего легче красится, уж я знаю. (Решительно идет к дверям.) Ну, да я сам выкрашу, если ты боишься.

А л е ш а (вспыхнув). Не боюсь я. (Идет к дверям.) А ведь верно, белое-то легче всего... (Убегает.)

Саша остается в дверях, смотрит ему вслед, хихикает в кулак.

К а т я (поняла происшедшее, начала реветь). А я Алешке скажу, что ты врал...

Саша разбивает ногой всю постройку. Дом рухнул. Катя плачет, кинулась его подбирать. Вбегает Алеша с белой скатертью.

С а ш а (указывает на чан с синей краской). Вот сюда. Погружай одним махом. Я всегда так... (Подставляет Алеше чурбашку.)

Алеша взбирается и мигом окунает в краску белую скатерть.

К а т я (всплеснув руками). Ой, ой...

Даже Саша замер в испуге, отбежав к дверям. Показывается в дверях Цыганок, стремглав бежит к Алеше, отталкивает Сашу с дороги, тот летит в угол. Цыганок вырывает скатерть, отжимает ее своими могучими лапами.

Цыганок (кричит Саше). Зови бабаню скорей!

С а ш а скрывается.

(Сокрушенно рассматривает скатерть, зловеще и в то же время соболезнующе качает черной лохматой головой, выдыхает на Алешу.) Ух-хх, ты...

Прибегает бабушка, за нею Саша.

Бабушка (охая и плача). Ах, ты, пермяк солены уши! Чтоб те приподняло да шлепнуло! (Цыганку.) Уж ты, Вань, не сказывай дедушке-то, уж я спрячу дело. Авось, обойдется как-нибудь...

Цыганок (вытирает руки передником, хмуро и озабоченно). Мне — что! Я не скажу. Глядите (кивает на Сашу), Сашутка не наябедничал бы. Он — мастер...

Бабушка (Саше). Подь сюда, Саша.

Саша подходит.

На вот пятак на пряники, помалкивай...

Саша хватается пятак, убегает.

Вот дела-то, царица небесная... (Уходит, уводя с собой плачущую Катю.)

Цыганок (стоя над Алешей, ошеломленным всем происшедшим). Уж и попадет же тебе за это! (Успокаивающе.) Ну, да, может, бабушка и не узнает еще. Вот так перец! (Уходит.)

Алеша (в растерянности). Белое всего легче красится. Отчего же она... пятнами пошла?!

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Кухня. Суббота. Все чисто прибрано. В окно видны главки церкви. Бабушка сидит в сторонке, плетет кружево. За столом Цыганок и дети — Саша, Катя, Алеша. Все дружно теснятся над столом, кричат: «Поехали, поехали... А вот архерей бежит...» В это время раздается колокольный звон церквушки. Дети откинулись от стола на лавку, на табуретки. Цыганок убирает тараканов.

Катя. Скоро бабушка придет. (Саше, простодушно.) Будет тебя бабушка сегодня за наперсток пороть?

Саша жмется. Алеша смотрит на него с сочувствием.

Цыганок. Может, сегодня бабушка не будет сечь, ласково глядел он, как в церковь-то шел... (Другим тоном, таинственно.) А вот чего, ребята, расскажу вам. (Широким жестом снова собирает около себя детей.) Видел я седни ночью, как мыша с тараканом разговаривала. Проснулся я, а она, на свету месяца, неподалеку от меня, старается около корки, грызет и грызет, а я лежу тихонечко. Тут подполз таракан и еще два, а она перестала грызть, да усишками седыми шевелит, а они тоже водят усами, так и разговаривают...

Алеша (азартно). Узнать бы, — про что они? Вот — интересно!

Цыганок. А мыша, будто, спрашивает тараканов: «Вы отколь?» А они отвечают: «Мы — деревенские...» Ведь они из деревень в город напозают, опосля пожа-

ров... они еще до пожара из дому бегут, они уж знают, когда пожару быть.

С а ш а (недоверчиво). Как они знают?

Ц ы г а н о к (с озорной выдумкой). А дед-домовик скажет им: беги, ребята,—они и бегут...

Дети хохочут.

(Продолжает серьезно.) Мышь тоже умный житель, ласковый. Кто мышей любит, тому дед-домовик мирволит.

Бабушка подсаживается к столу.

А л е ш а. Бабаня, расскажи про домовика!

Б а б у ш к а (размеренно). Домовик-родовик — дому сторож. В старину-то люди, как ехать на другое место, так и домовика с собой брали.

Д е т и (все, оживленно). Как брали? Как брали? Как?

Б а б у ш к а. А вот как: закинут старый лапоть на длинной веревке в подпечек и говорят: домовик-родовик, вот тебе сани, поезжай-ка с нами, на новое место, на иное счастье... Так и везут лапоть по улице.

Д е т и (хохочут). Вот так сани!..

А л е ш а. Да какой же дед на таких санях уместится?

Б а б у ш к а. Так уж говорится.

А л е ш а. А ну, бабаня, еще чего расскажи.

Б а б у ш к а. А еще вот как было: сидит в подпечке старичок-домовой, занозил себе лапу лапшой, качается, хныкает: «Ох, мышеньки, больно, ой, мышата, не стерплю...» (Подняв ногу, бабушка хватается за нее руками, качает ее на весу, смешно морщит лицо, словно ей самой больно.)

Дети хохочут, хлопают в ладоши, но вдруг все смолкают: появляется дед, пришедший из церкви, чистенький, приодетый, причесанный. Молча раздевается, крестится на икону, снимает пиджак и бережно вешает на гвоздь, остается в жилете и рубашке. Разглаживает бороду.

Д е д (*Цыганку, многозначительно*). Иван, готовь!

Цыганок, весь потухший, сердитый, непохожий на себя, берет от стола и ставит посредине кухни скамью, кладет поперек ее полотенце. Дед, стоя у ведра с водой в углу кухни, выбирает из ведра прутья, меряет их, складывает один с другим и со свистом размахивает ими по воздуху.

Б а б у ш к а (*в другом углу на лавке, сидит расстроенная, громко нюхает табак, ворчит сердито*). Ра-ад... мучитель...

Д е д (*замешкавшимся Цыганку*). Но!

Цыганок (*устанавливает рядом Алешу и Катю, а Сашу подталкивает к скамье, бормочет хмуро, нехотя*). Иди... иди...

Д е д (*Алеше*). Лексей, иди ближе, смотри, как секут. Ну, кому говорю — иди!..

Алеша ступает шаг вперед и останавливается, оцепенелый. Сзади него Катя стоит, как кукла.

С а ш а (*трет кулаком глаза и не своим голосом, как старенький нищий, тянет*). Прос-ти-те, Христа ра-а-ди...

Д е д (*пропускает через кулак длинные влажные прутья, говорит хладнокровно*). Высеку — прощу. Ну-ка, снимай штаны-то.

Саша ложится на скамью. Цыганок привязывает его полотенцем и держит за ноги.

(*Вскрикивает.*) Раз!

Саша взвизгивает.

Врешь, это не больно. А вот эдак больней! Это тебе за наперсток.

С а ш а. Ой, не буду! Прос-ти-те! Ведь я же рассказал...

Д е д (*с растрепанной бородой, с выдернувшейся рубашкой, взял свежий прут из ведра, говорит спокойно, как по*

книге читает). Донос — не оправдание. Доносчику — первый кнут.

Новый взмах прута.

С а ш а (кричит). Ведь я же рассказал про скатерть!
Д е д. Вот тебе и за скатерть...

Бабушка при слове «скатерть» бросается к Алеше, схватывает его, бежит с ним к двери с криком: «Лексея не дам! Не дам, изверг!» Дед кидается ей наперерез, отнимает внука. Бабушка во весь голос кричит: «Варя, Варвара!» Дед бросается к бабушке, старается вырвать у нее Алешу. С а ш а, воспользовавшись суматохой, убегает. Цыганок растерялся. Алеша бьется в руках у деда, дергает его за бороду, укусил за палец.

(Бросает, наконец, Алешу на скамью, трясет рукой от боли, яростно кричит Цыганку.) Привязывай, убью!..

В а р в а р а (врывается в кухню, кричит). Папаша, не надо!.. Отдайте!..

Д е д (отталкивая ее, взмахивает прутом). Будешь кричать скатерть? А... молчишь? Иван, давай свежих...

КАРТИНА ПЯТАЯ

Спальня. Алеша лежит на широкой бабкиной кровати лицом вниз. Голова обвязана полотенцем. На фоне освещенного лампадой киота бабушка и Варвара. Бабушка, черная и большая, наступает на дочь, как бы заталкивает ее в угол к образам,

Б а б у ш к а. Ты пошто не отняла его? Сын ведь, а? До бесчувствия его дед засек.

В а р в а р а. Испугалась я.

Б а б у ш к а. И не стыдно тебе? Этакая-то здоровенная. Я — старуха, да не боюсь. Стыдись!

В а р в а р а (с тоской). Отстаньте, мамаша. И без вас тошно...

Б а б у ш к а (так же строго). Нет, не любишь ты его, не жаль тебе сироту...

Варвара (тяжело и раздельно). Я сама на всю жизнь сирота.

Бабушка ближе подошла, обняла безмолвно.

(Прильнула к матери, доверчиво.) Если б не Алексей, мамаша, ушла бы я, куда глаза глядят. Не могу жить в аду этом, не могу, сил нет....

Бабушка (гладит дочь). Кровь ты моя, сердце мое. Коли так, уходи, Варя, куда знаешь, где лучше тебе. А при Алексее одна я останусь, буду ему и бабка и мать. Вот пойдём-ка, поговорим обо всем.

Оглянувшись на неподвижного Алешу, который притворяется спящим, тихо уходят обе из комнаты.

Алеша (сел на постели, в большом волнении и сердечном испуге). Уйдёт мать... (Упал головой в подушку.)

Тихо тикают часы.

(Опять садится, охватив колени руками, с отчаянием.) Мать совсем не сильная... А я хвалился — моя мать самая сильная. (Закрывает лицо руками.)

Дед тихонько приоткрывает дверь. Алеша, глянув на него, ныряет в постель, натягивает одеяло на себя с головой. Дед, смущенно егозя, подходит ближе.

Дед. Здравствуй, сударь...

Алеша сильнее закутывается.

(Тем же тоном.) А ты ответь... не сердись. (Подошел совсем близко.)

Алеша ударяет его ногой.

Ой! (Поглаживая бороду, садится на кровать, говорит деланным голосом.) А я тебе, видишь, гостинца принес... (Вынимает из кармана пряничного козла и разные сла-

сти, раскладывает их на подушке. *Негромко, виновато.*) Я тебя, давеча, перетово, брат... разгорячился очень. Укусил ты меня, царапал, ну, и я, тоже, рассердился. Однако не беда, что ты лишнее потерпел,— в зачет пойдет.

Алеша не оборачивается, уткнувшись в подушку.

(Вздыхнул.) Ты думаешь, меня не били, Олеша? Меня так били, что ты этого и в страшном сне не увидишь. Меня так обижали, что, поди-ка, сам господь бог глядел-плакал...

Пауза. Внук недвижим, в той же позе.

(Привалившись к нему ближе, продолжает.) Ты вот, Олеша, пароходом сюда прибыл, пар тебя вез, а я в молодости сам, своей силой супротив Волги баржи тянул. Баржа — по воде, а я — по бережку, бос, по осыпям, по острому камню. Да так от восхода солнца до ночи. Накалит солнышно затылок-то, голова, как чугуна, кипит, а ты...

Внук давно прислушивается к рассказу. В этом месте уже обернулся всем телом к деду, с интересом на него смотрит.

...а ты, согнувшись в три погибели *(встает и показывает, как сгибались)*, косточки-то скрипят *(хватает с головы Алеша полотенце, делает из него ляжку)*, а ты идешь, идешь, и пути не видать...

Алеша приподнялся, всем телом рванулся к деду, прикован его рассказом.

(Продолжает изображать бурлака.) Глаза потом залило, а душа-то плачется, а слеза-то катится... Эх-ма, Олеша, помалкивай!.. *(Словно в изнеможении махнул рукой.)* Вот так идем и поем:

Мы иде-о-ом,
Босы, голодны,
Камень-о-ом
Ноги порваны.

Ты пода-ай, Микола,
Помочи,
Доведи-и, Микола,
Доб ночи.

...Идешь, идешь, да из лямки и вывалишься, мордой в землю,— и тому рад; вся, значит, сила начисто вышла, хоть — отдыхай, хоть — издыхай. Вот как жили!

Дверь приоткрылась. Видны Цыганок и какой-то мещанин в картузе со свертком, заказчик. Цыганок порывается что-то сказать.

(Отмахивается от него рукой и продолжает в азарте.) Вот так-то, Олеша, я трижды Волгу-мать вымерял: от Симбирского до Рыбинска, от Саратова досюдова да от Астрахани до Макарьева. В этом многие тысячи верст...

Цыганок *(негромко, значительно)*. Василь Василич, дело есть.

Алеша *(вскидывается)*. Расскажи еще, не уходи...

Дед *(усаживается, машет рукой на дверь)*. Погодите, там...

Дверь прикрывается.

(Садится к Алеше на постель, сам, как и внук, увлечен рассказом.) Ну, зато, Олеша, на привале, на отдыхе летним вечером в Жигулях, где-нибудь, под зеленой горой, поразложим бывало-че костры кашу варить, да как заведет горевой бурлак сердечную песню...

Эх, талан ли мой, талан таков?
Али участь моя горькая?
На роду ли мне досталось,
Что со младости до старости,
До седого бела волоса
Весь мой век все горе мыкати?

Снова в дверях Цыганок с решительным,
твердым видом.

Цыганок. Василь Василич, заказчик...

Дед оборвал песню на полуслове, махнул рукой Алеше, убежал.

Алеша (*задумывается, погруженный в картины, вызванные в его воображении дедом, потом запевает деловым голосом*).

Мы иде-о-ом,
Босы, голодны,
Камень-е-о-ом
Ноги порваны...

Цыганок (*подошел, сел с Алешой рядом, обнял, вторит Алеше*).

Ты пода-ай, Микола,
Помочи
Доведи-и, Микола.
До ночи.

(*Весело, беря в руки дедовы гостинцы*.) Ну и дед у тебя домовой. То он с розгой к тебе, а то с гостинцем. (*Смеется. Приподнимает рукав, показывает голую до локтя руку, вздутую, в рубцах*.) Ты глянь-ка, как разнесло... Да еще хуже было, зажило много...

Алеша (*в изумлении*). Кто это тебя, Ваня? За что?

Цыганок. Чуешь ли, как вошел дед в ярость, и вижу, запрет он тебя, так начал я руку эту подставлять, ждал я, что переломится прут, дедушка-то отойдет за другим, а тебя и утащат... бабаны али мать...

Алеша (*мрачно*). Испугалась мать...

Цыганок. То-то что испугалась. Да и прут не переломился, он, знаешь, гибок, моченый-то. А все ж таки тебе меньше попало,— видишь, насколько. (*Показывает свою руку*.) Я, брат, жуликоватый. (*Смеется ласково*.) Так жаль стало мне тебя, аж горло перехватывает, чую, беда. А он хлещет...

Алеша (*внезапно обнял Цыганка*). Я тебя, Ваня, очень люблю.

Цыганок. Так ведь и я тебя тоже люблю, за то и боль принял, за любовь. Али я стал бы за другого кого? Наплевать мне. *(Привалился к Алеше, говорит негромко, часто оглядываясь на дверь.)* Вот когда тебя вдругорядь сечь будут, ты, гляди, не сжимайся, не сжимай тело-то, чуешь? Вдвойне больней, когда тело сожмешь, а ты распусти его свободно, чтобы оно мягко было, киселем лежи. *(Показывает.)* И не надувайся, дыши во всю! *(Показывает.)* Кричи благим матом, ты это помни, это хорошо!

Алеша *(помрачнев)*. Да разве еще сечь будут?

Цыганок *(спокойно, со знанием дела)*. А как же? Конечно, будут. Тебя, поди-ка, часто будут драть...

Алеша. За что?

Цыганок. А — вон ты какой! Дедушка упрям — и ты упрям. Ты и под розгами не кричал. Вот он и разлютел! Он свое, а ты — свое! *(Многообещающе.)* Да уж дедушка сыщет, за что драть...

Алеша *(допрашивая пылливо)*. Ваня, маленьких всегда бьют?

Цыганок. Всегда. Ты только, брат, носа не вешай. *(С внезапной мыслью.)* Ты знаешь, что: учись на гитаре играть. Проси дядю Якова научить. Ей-богу! Ушли бы мы с тобой... Пошли бы... Ты играть, а я петь... *(Прерывая себя, с тоской.)* Эх, кабы голос мне певучий, ух ты, господи! Вот ожег бы я народ! *(Вдруг вскинулся, запел и пошел плясом по комнате.)*

Акт III

КАРТИНА ШЕСТАЯ

На сцене две комнаты: столовая, «парадная» комната Кашириных, и узкая боковушка. В последней стоят большое кресло, комод, кровать. Варвара в кресле, около нее Алеша. В «парадной» — большой стол, который бабушка уставляет закусками, настойками, пирогами. В стороне чинно сидит Григорий, высокий, прямой, положив ладони на колени.

Варвара (*Алеше*). До сих пор ты не хочешь молитву выучить. Опять дедушка будет сердиться. Знал бы ты, как меня огорчает (*строго*) озорство твое. Ну, повторяй дальше за мной: «яко же и мы оставляем должником нашим».

Алеша. «Яко же и мы»... А что такое «яко же»?

Варвара. Ты не спрашивай. Просто говори: «яко же».

Алеша (*вдруг оживился*). «Яков же»...

Варвара (*с ударением*). «...яко же».

Алеша. «Я в коже». (*Смеется, но вдруг осекся под взглядом матери.*)

Варвара. Нет, ты несносный! (*Порывисто взяла со столика книгу.*) Ну, вот, повторяй за мной стихи, это легче! (*Читает.*)

Большая дорога, прямая дорога,
Простора немало взяла ты у бога,
Тебя не ровняли топор и лопата,
Мягка ты копыту и пылью богата.

Ну?

А л е ш а (*осененный вдохновением первого творчества, с каждым словом повышая веселый голос*).

Дорога, двурога, творог, недорога,
Копыта, попы-то, корыто...

В а р в а р а (*приподнялась, уперлась руками о ручки кресла, строго и отдельно спросила*). Это — что такое?

А л е ш а (*обомлев, пятясь к стене, к дверям*). Не знаю.

В а р в а р а. Нет, все-таки?

А л е ш а. Это — так.

В а р в а р а. Что «так»?

А л е ш а. Смешно.

В а р в а р а (*холодно*). Поди вон.

А л е ш а проходит в «парадную». Стал у двери. Варвара поднимается с кресла, ложится на кровать.

Б а б у ш к а (*Алеше*). Ты бы спать шел, Леня! Саша-то с Катериной давно спят.

А л е ш а (*хмуро*). Не хочется.

Б а б у ш к а (*ворчит*). Все тебе видеть, все тебе знать.

Г р и г о р и й. Пусть посидит малец. (*Сажает его рядом с собой.*) Ему надо знать... Ему — долго жить. (*Бабушке.*) А что, Акулина Ивановна, и впрямь сватовство затеяли? (*Усмехаясь.*) Неровен час, и жених придет? А?

Б а б у ш к а (*продолжает возиться у стола*). Затейли, Григорий Иванович, затейли. Не на радость затейли. Де-душка-то склонить Варю хочет. У него, старого, свои счеты... Все считает... загадывает...

В кухне слышен топот, голоса.

А вот и сватья.

Входит сестра бабушки Матрена Ивановна, большеносая крикливая баба, в шелковом полосатом платье и золотистой головке.

Матрена (важно). Здравствуй, Акулина!

Здороваются.

А я к тебе сватьей!

Бабушка (неохотно). Знаю, знаю...

Матрена (важно). А что ж? Человек он с достатком. *(Ехидно.)* Сами-то вы с Василием не велики богачи!

Акулина (так же неохотно). Знаю, знаю... *(Идет к дверям кухни.)* Ванюшка, Евгенья, идите на люди, что в темноте-то сидеть?

Цыганок и Евгенья входят, садятся на лавку в стороне, рядом с Григорием.

Алеша (Цыганку). Ваня, кого это ждут?

Цыганок (смущенно, со смешком). А ты молчи — помалкивай...

Бабушка (за столом). Ты бы, Мотря, ром себе в чай налила!

Матрена. Не уважаю твоего рому. Не иначе, луковых перьев в чай насыпано, а еще того хуже — клопом отдает!

За сценой топот, шум. Входит возбужденный, навсселе **Яков**, наигрывая на гитаре.

Яков (развязно, прерывая игру и кланяясь). Почтеньице-с! Сватовство затеяли? А варькино приданое? Это как понимать?

Бабушка (машет на него рукой). Уймись, Яков!..

Яков. Ну, поглядим, что за дым? *(Садится к столу, перебирает струны.)*

Эх, пожили, как умели,
На весь город нашумели,
Ба-арыне из Казани
Все подробно рассказали.

Бабушка (*вздыхнув*). Ты бы, Яша, другое что играл, верную бы песню, а? Помнишь, Мотря, бывало, песни-то пели?

Матрена. Нынче, матушка, другая мода... Что-то не идут долго?

Бабушка. А вот... Легки на помине!

Входит дед с кривым лысым человеком, часовых дел мастером. Лицо гостя лоснится. Когда он улыбается, губы его съезжают на сторону, и весь он странно кривится.

Дед (*торжественно*). Привечай гостя, мать!

Бабушка (*кланяясь, приглашая гостя*). К нашему застолью, батюшка!

Часовщик. Не утруждайтесь, все равно-с!

Алеша заходит сбоку, с удивлением рассматривает двигающееся лицо часовщика.

Дед (*берет Алешу и ставит его перед часовщиком, говорит деловито*). Вот мой внук, дочери сын!

Часовщик (*деду*). Не утруждайтесь. (*Привлек Алешу, быстро повернул кругом, ощупал.*) Ничего, мальчик крепкий!

Алеша испуганно вырвался из его рук, не отрывая глаз от его лица, стремительно попятился спиной к двери боковушки. Варвара встает на шум.

Бабушка (*появляясь в боковушке, говорит громким шопотом*). Варя, пришел! (*Затворяет дверь.*)

Варвара неподвижно, угрюмо встала у комода. Алеша спрятался за спинку кресла. Во время последующей сцены — в «парадной» — бабушка сидит у стола, поникшая, в тревоге; Матрена самодовольно охорашивается, оправляет шумящее шелковое платье, полна ожидания; Цыганок, Евгений и Григорий неподвижно сидят у стены в стороне, часовщик — наискосок у стола, посреди комнаты, Яков за столом, с озорным видом косясь на дверь боковушки, наигрывает томящий мотив: «Быть бы Якову собакою».

Дед (*появляясь в дверях боковушки, говорит торжественно и строго*). Одевайся, Варвара, иди!

В а р в а р а. Куда?

Д е д (умиrotворяюще). Иди с богом, не спорь. Человек он с достатком, в своем деле мастер, и Лексею — хороший отец...

В а р в а р а (ударив кулаком по комоду). Я вам сказала, что этому не бывать...

Д е д (шагнул к ней, вытянул руки, точно ослепший, оцетинился весь, захрипел). Иди! А то — поведу! За косы!

В а р в а р а (вызывающе). Поведете? (Сделала шаг вперед, махом разорвала на себе кофту.) Ведите!

Д е д (оскалив зубы, зашипел, грозя кулаком). Варвара! Что ты!

В а р в а р а (отстранила деда рукой, взялась за скобу двери). Ну, идем!

Д е д. Прокляну!

В а р в а р а. Не боюсь! Ну? (Отворила дверь.)

Д е д (схватился за подол рубахи, припал на колени, зашептал). Варвара, дьявол... Не срами! (Жалобно завыл.) Мать! Ма-ать!

Б а б у ш к а (загородила дорогу Варваре, машет на нее, как на курицу, загоняя обратно в боковушку). Варька, дура! Уймись! (Отталкивает деда.) У-у! старый бес, бестолковый!

В а р в а р а (отступая, деду). Я не пойду к нему, слышите! Я завтра же уеду!

Д е д (пробегая через «парадную» комнату, хватаясь за голову). Опозорила ты меня, Варька!

Б а б у ш к а (подходя к вставшему со стула часовщику, кланяется, прижав руки к животу, говорит). Уж извините, сами знаете, — насильно мил не будешь...

Ч а с о в щ и к повернулся, словно подавленный недоумением, потом крикнул и пошел к двери, споткнувшись у выхода, а бабушка перекрестилась и задрожала вся, не то молча плача, не то смеясь.

Матрена (*встает из-за стола, полная обиды*). Это что же за срам какой! Звали на еватовство... Тьфу!
(Идет к выходу.)

Яков, с величайшим интересом наблюдавший происходившее, разражается хохотом. Бабушка идет к столу, вытирая слезы, но с радостным лицом.

Бабушка (*в сторону двери*). Проходи, Авдей, не пугай лошадей! Григорий, Евгений, Ваня!

Все оживленно подсаживаются к столу. У всех — словно гора с плеч. Садится к столу и Яков с гитарой.

В боковушке Варвара стоит неподвижно у комода, Алеша вышел из-за спинки кресла, бросился к ней с криком: «Мам!»

Варвара (*пораженная*). Ты здесь? Зачем ты здесь? Алеша. Мам! Не уезжай! (*Припал к ней*.) Живи со мной!

Варвара (*села в кресло, всматривается в сына, как будто видя его в первый раз*). Какой ты уже большущий! Учиться, учиться надо тебе!

Алеша. Не уезжай! Я не буду шалить, не буду озорничать, только не уезжай!

Варвара (*глядя его, тихо*). Да, да, не нужно озорничать! Вот я поеду в Москву, выйду замуж, ты будешь жить со мной, учиться в гимназии, потом станешь студентом, потом доктором можешь быть... Чем хочешь. Ученый может быть, чем хочет. (*Вставая, сбрасывая с себя задумчивость*.) Ну, иди!

Алеша. Не выходи замуж, я сам буду кормить тебя!

Варвара (*отходя к комоду, строго*). Не говори глупостей! Иди!

Во время этого диалога в «парадной» комнате Яков поет с гитарой.

Яков.

Быть бы Якову собакою,
Выл бы Яков с утра до ночи.

Ой, скушно мне!
О-ой грустно мне!
За печкою сверчок тарактит,
Тараканы беспокоются.
Ой, скушно мне!
Да, ох, грустно мне!

Тоскливая песня снова навела уныние. Бабушка задумалась, Григорий низко опустил голову. Цыганок запустил пальцы в черные космы, вздыхает. Евгений сидит, подпершись рукой.

Цыганок. Эх, кабы голос мне, пел бы я как, господи!
Бабушка (*поднимает голову, говорит Якову*). Да будет тебе, Яша, сердце-то надрывать... А ты бы, Ванятка, поплясал бы, а?

Яков (*прижимает струны ладонью, а потом ударяет с силою, как бы отбрасывает от себя что-то невидимое и ухарски кричит*). Прочь, грусть-тоска! Ванька, становись!

Охорашиваясь, одергивая праздничную шелковую рубаху, Цыганок осторожно, точно по гвоздям шагая, идет из-за стола на середину комнаты. Яков ударяет по струнам. Алеша, приткнувшийся у двери боковушки, стремительно входит в комнату.

Цыганок (*сконфуженно улыбаясь*). Только почаще, Яков Василич!

Яков играет с бешеной частотой. От дробного стука каблуков Цыганка на столе и в шкафу дребезжит посуда. Цыганок пляшет, огнем пылает, реет коршунном, размахнув руки, точно крылья, незаметно передвигая ноги. Гикнув, приседает на пол и мечется золотым стрижем. Шелк его рубахи, содрогаясь и струясь, словно горит и плавится.

Яков (*притоптывая*). Р-режь поперек!

Цыганок меняет направление, идет поперек кухни. Яков пронзительно свистит, потом выкрикивает: «Эх-ма! Кабы не было мне жалко лаптей, убежал бы от жен и от детей!»

Выходит и Варвара. У сидящих за столом во время пляски иные позы, иная мимика, чем при пении Якова. Их подергивает, они порой вскрикивают, повизгивают, точно их обжигает. Просвет-

дела Варвара. Бабушка покачивается, с широкой улыбкой любовно смотрит на Цыганка. Григорий качает головой, хлопает себя в такт по лысине, урчит что-то. Цыганок кончил при общем оживлении. Григорий встает, обходит кругом стола; подойдя к бабушке, кланяется ей, коснувшись двумя пальцами пола.

Григорий. Акулина Ивановна, утешь. Сделай милость, пройдишь разок, как, бывало, с Максим Савватеечем хаживала, утешь!

Бабушка (посмеиваясь, пожевываясь). Что ты, свет, что ты, сударь Григорий Иванович! Куда уж мне плясать? Людей смешить только.

Алеша (бросаясь к ней). Бабаня, спляши...

Бабушка вдруг молодо встает, вскинув тяжелую голову, идет на середину комнаты.

Бабушка (с задором). А смейтесь, ино, на здоровье! Ну-ка, Яша, перетряхни музыку-то!

Яков встрепенулся весь, вытянулся, прикрыл глаза и заиграл медленнее. Цыганок на минуту остановился, подскочил и пошел в присядку вокруг бабушки. Она плывет по полу, бесшумно, как по воздуху, разводя руками, подняв брови, глядя куда-то вдаль темными глазами.

Григорий (Цыганку). Не стучи, Иван!

Цыганок отскочил в сторону, сел на порог двери. Нянька Евгенья затянула приятным низким голосом:

Евгенья.

Всю неделю до субботы
Плела девка кружева,
Истомилася работой,
Эх, просто чуть жива!

Бабушка пляшет, словно рассказывает что-то. Идет, сперва тихонько, задумавшись, покачиваясь, поглядывая вокруг из-под руки, а все ее большое тело колеблется нерешительно, ноги шупают дорогу осторожно. Остановилась, лицо дрогнуло, нахмурилось, засияло вдруг доброй, приветливой улыбкой. Откачнувшись в сторону, уступая кому-то дорогу. Опустив голову, замерла, прислушиваясь, улыбаясь

все веселее, и вдруг ее сорвало с места, закружило вихрем, вся она стала стройней, выше ростом, буйно красива и мила.

Евгенья.

В воскресенье от обедни
До полуночи плясала,
Ушла с улицы последней,
Жаль, праздника мало!

Бабушка (*оборвала пляску, под гул одобрения поправляет волосы, садится на место, говорит*). А вы, полноте-ка, не видали вы настоящих плясуний. А вот у нас в Балахне была девка одна,— глядишь, бывало, на ее пляску,— вот тебе и праздник, и боле ничего не надо!

Яков (*хлопнул по плечу Цыганка*). А тебе бы, Ванька, в трактирах плясать, с ума свел бы ты людей!

Цыганок (*с тоской*). Мне голос иметь хочется! Ежели бы голос бог дал, десять лет я бы попел, а после... хоть в монахи!

За столом Григорий наливает стакан осторожно, почти ощупью.

Бабушка (*останавливает его*). Гляди, Гриша, вовсе ослепнешь от водки-то!

Григорий. Пускай! Мне глаза больше не надобны,— все видел я...

Яков (*опрокинул стакан, снова подходит к Цыганку, обнимает его одной рукой, говорит льстиво*). Ванька, работник ты — золотые руки, дуй тебя горой! Слушай, Ванька! Мы у отца выдела требуем! (*Тихо.*) Я уж Мишку натравил. (*Со смехом.*) Но Мишку мы за реку отправим... х-ха!.. Пусть там воюет, а я здесь, в городе, останусь. (*Хлопнул по плечу, решительно.*) Иди в мою красильню!

Цыганок (*бойко*). Никак, Яков Василич! Василь Василич сказал: сам открою третью красильню, со мной останешься!

Яков (отшатнулся, схватился за голову). Третья? Третью красильню? (Завыл.) Забьет нас отец! Ограбит! Бабушка. Что ты? Яша! Господь с тобой!

Яков (оглянулся на бабушку, посмотрел на Цыганка, и с новым взрывом стал выть, держа себя за рубаху, за волосы, за усы и за отвисшую губу). Негодяй я и подлец, разбитая душа! Забил ведь я ее... Кого забил? Кого?.. Крест тебе на могилу поставлю громаднейший. (К окну.) Вот он, крест-то! Завтра сам на своих плечах до кладбища понесу...

Григорий (мрачно и поучительно). Ага-а! То-то вот! Молчит, молчит совесть, да и заберет...

Бабушка. Полно, Яша, что было, того не вернешь!

Алеша (бабушке). Отчего дядя Яков плачет, ругает себя, бьет?

Бабушка (неохотно, хмуро). Все бы тебе знать! Погиби, рано тебе торкаться в эти дела...

Алеша (Цыганку). Ваня, отчего дядя Яков бьет себя? Кому крест понесет?

Цыганок (смущенно смеясь). Отстань, отойди! Вот я тебя!..

Григорий (подзывая Алешу). Подь сюда, я тебе правду скажу. Ты сирота, тебе все надо понимать, а то, гляди, пропадешь! Дядя твой жену насмерть забил, замучил, а теперь его совесть дергает. Понял?

Алеша (в ужасе). Да как же он забил ее?

Григорий. Как забил? А так: бьет и бьет, когда люди не видят. Да и кто сыщет на нем? А она такая тихая была у него, бессловесная. Вот и не сдюжила — померла.

Алеша (в большом возбуждении). Зачем он бил ее? За что?

Григорий. А он, поди, и сам не знает, зачем. Может, только за то бил, что она лучше его. Каширины, брат, хорошего не любят, они ему завидуют, а принять не могут. А сейчас вот мать твою из дома выживают. Из-за

чего? Из-за денег. Ох, малый, лютая ненависть из-за денег растет...

Шум за сценой, голоса: визгливый, возбужденный — деда, пьяный трохот — Михаила.

Голос дед а. Эх, вы-и!..

Голос М и х а и л а. Не дашь — бороду выдеру, убью...

Д е д (вбегая и тотчас накидывая крючок на дверь).
Слышишь, мать? Каково, а?

Михаил ломится в дверь.

Убить отца идет! Сын родной! А пора! Пора, ребята!..
(Подскочил к Якову.) Все хотите варварино приданое сцапать? (Сует под нос Якову кукиш.) На-те-ка!

Яков (обиженно развел руками). Тятенька, я-то при чем?

Д е д. Ты? Знаю я тебя!

Яков. Коли вы мне не верите...

Д е д (яростно наступая на него). Верю? Всякому зверю поверю, собаке, ежу, а тебе погожу! Ты его напоил, ты научил!

Михаил ломится в дверь.

Б а б у ш к а (идя к двери). Миша, что ты делаешь, Миша?

А л е ш а (бросается впереди ее к двери, предостерегающе). Бабаня!

Голос М и х а и л а. А-а! И Варькин щенок здесь?

А л е ш а (кулаком в дверь наотмашь). Дурак!

Михаил зарычал за дверью.

Д е д (бросился к двери, оттолкнул бабушку и Алешу).
Вон, ан-нафемы... (Встал спиной к двери, заговорил с крикливой жалобой.) Вот оно чего ради жили, грешили, добро копили! Кабы не стыд, не срам, позвать бы полицию, а завтра к губернатору...

В а р в а р а (*брезгливо*). Папаша, отдайте им...

Б а б у ш к а. Отдай им, отец, все!

Д е д (*выскочил на середину комнаты*). А я? Я-то с чем останусь? Я и смолоду бедности-горя досыта хлебнул и в старости нищим иди! Эх вы-и!

К двери, которую ломает Михаил, подходят наготове Цыганок, Яков, Григорий. Когда дверь выламывается, они все наваливаются в темноте на Михаила, выталкивают его. На сцене остаются дед, бабушка и Алеша.

(*Вьшел вперед, широко развел руки, голову вверх*.) Все-милостивый господи, ну, вот видишь, вот!

Влетает камень в окно, с дребезгом бьет стекло.

(*Бросается к окну, кричит*.) Эй, Мишка, вор ночной, бешеный пес шелудивый!

Слышно с улицы рычание. Летит второй камень.

(*Завыл с торжеством*.) Не попал! (*Бросился из комнаты через проломленную дверь*.)

Алеша, схватив с пола брошенные полкирпича, бросился с ним к окну.

Б а б у ш к а (*перехватывая его, швырнула кирпич в угол*). Ах ты, окаянный!..

А л е ш а (*потрясенный*). Бабаня!!

Б а б у ш к а (*обняла его, стоит посреди комнаты*). Тут, Леня, дела-кружева, а плела их слепая баба. Вот и — разбери узор!

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Двор Кашириных. Видна открытая дверь красильни. Крыльцо дома. У стены стоит большой крест. На дворе у дома ящик, сани с поклажей. На дворе дед в шубе, бабушка в салопе, дядья, Григорий, Варвара, одета в дорогу. К ней прижался Алеша.

А л е ш а. Мам... Скажи мне...

Д е д (*подходя*). Скажи ему, чтоб слушался меня.

В а р в а р а. Слушайся дедушку.

Алеша сердито, с досадой отмахивается от дёда: «Да ну тебя!» Садится на тумбу, охваченный тоской. Сани отъезжают. Бабушка стоит, опираясь о стену дома, подавленная грустью разлуки.

Я м щ и к (трогая лошадей). Эх, курочки-и!..

М и х а и л (Якову, ухмыляясь). Унесли черти Варьку. И приданого выманить не успела.

Я к о в (Михаилу). Варька-то... Х-хо... (Передразнивая.) «Стерпеть, говорит, вашей жизни я не могу. Подавитесь моей, говорит, сестринской долей». А вот мы и, не подавившись, проглотим.

Д е д (останавливаясь около Алешы). Оставила тебя мать-то поверх земли. Видно, судьба тебе со мной жить. Так и станешь ты об меня чиркать, как спичка об кирпич. (Идет с бабушкой.)

Навстречу им Цыганок.

Все сделал, как я велел?

Цыганок (весело). Все, Василь Василч! Разом! (Уходит в дом.)

Григорий уходит в красильню.

Д е д (дядьям). Золотые руки у Иванка, дуй его горой! Помяните мое слово, не мал человек растёт. (Бабушке.) Пойдем, мать. Уж отблаговестили. Путь-то не близок. (Якову.) А ты, Яшка, неси крест, коли взялся. Замаливай грех. (Уходит.)

Алеша уходит в красильню.

Я к о в. А мы, папаша, за вами следом. (Михаилу.) Неспроста отец Ваньку посылал. Не иначе, третью мастерскую готовит. Ванька-то сболтнул мне отцовы думы. А с ним да с Ванькой работником нам не тягаться.

М и х а и л (тупо). Ограбит нас отец.

Яков. А на что человеку голова дана? (Кричит.) Эй, Ванька, иди пособлять!

Голос Цыганка (из дома). Я в момент, Яков Василич. Оденусь только.

Яков (ворочает крест, показывает жестом Михаилу). Сейчас сам увидишь, какая подмога выйдет.

Михаил (недоверчиво). А кому за эту подмогу в ответе быть?

Яков (озорно). Ну, в ответе! Кто докажет? А он покалечится малость, только и всего. Али хошь, чтоб отец наш век заедал? Ну, вместе дело стряпаем?

Михаил молча и мрачно кивает головой.

Яков (вбежавшему Цыганку, грубо). Ждем тебя сколько время! Становись под комель!

Цыганок стал, согнувшись. Из красильни выходят на шум Алеша и Григорий.

Алеша (подбегая, возбужденно). Дядя Яков, ведь ты сам обещался до могилы крест донести.

Михаил (отталкивая Алешу). Пшел, щенок!

Григорий. Это неправильно, что комель ему на плечи. (Цыганку.) Ведь не сдюжишь, Ваня? а?..

Цыганок (пошатываясь). Не знаю... тяжело будто...

Яков. Стыдись, Ванька! Мы оба жиже тебя! (Михаилу, тихо.) А я намочил комель-то, тяжельше будет.

Алеша (бросается к Цыганку). Ваня...

Цыганок. Ничего, Алеша...

Михаил (Григорию). Отвори ворота, слепой чорт!

Григорий (отворяя ворота, Цыганку). Гляди, Ваня, не надсадись. Силу твою выберут — другой не дадут.

Цыганок (неся крест, тяжело дыша). Ничего, дядя Григорий...

Григорий (вслед ему). Гляди же, не перемогайся! Пошли с богом.

М и х а и л (*оборачиваясь*). Плешивая дура!

Понесли крест через ворота. Видно, как легко нести братьям за крылья и как тяжело Цыганку под комелем. Григорий и Алеша смотрят вслед, пока шествие не скрылось с глаз.

Г р и г о р и й (*медленно закрывая ворота, говорит Алеше.*) А теперь «отче наш» подтверди. Забыл, что дед опять поркой грозился? Он, брат, такой... он взывает. (*Идет в пристройку к кипящему котлу.*)

Алеша садится во дворе.

А л е ш а (*сидит минуту в задумчивости, потом начинает говорить*): «Отче наш, иже еси... яко же... (*Вздыхнул.*) Яков же... дядя Яков...

Быть бы Якову собакою,
Выл бы Яков с утра до ночи...

(*Задумался, улыбнулся. Слагает свои стихи.*)

Был бы я собакою,
Бегал бы, где хотел,
А теперь...

Григорий выходит из пристройки, садится с ним рядом.

Г р и г о р и й. Вот я и говорю, Лексей ты мой Максимыч, новый челночек. Житье твое — сиротское, трудное... Тебе все надо знать, что к чему. Не то — пропадешь. Ты — не поддавайся никому. И — не бойся. Гляди всем прямо в глаза. Собака на тебя бросится, и ей тоже — отстанет...

А л е ш а (*смотрит на него пристально*). У тебя, дядя Григорий, такие глаза, ровно все насквозь видят.

Г р и г о р и й (*усмехаясь*). Ну, где уж, Лексей Максимыч, насквозь. И поверх-то скоро ничего не увижу.

А л е ш а. А зачем же еще черные очки носишь?

Г р и г о р и й. А потому, милый, что глазам моим свет

непереносен. Режет мне глаза, как ножом, от света. (*Вынимает из кармана глиняную трубку, кيسет, показывает.*) Вот курить ради глаз начал. Бабушка советует — нюхай, а я считаю — лучше курить.

А л е ш а. А с чего заболели твои глаза?

Г р и г о р и й (*указывая трубкой на дымящийся котел*). А с него самого, с пара. Вишь, какой пар едучий. Тридцать семь лет он глаза мои ест, вот и съел.

А л е ш а (*оборачивается*). И все при этом котле?..

Г р и г о р и й. Да, браток, и в начале я дедушкино дело видел и в конце вот гляжу. Мы с твоим дедом раньше-то дружки-приятели были, вместе зачинали, придумывали. Только вскорости себя он хозяином поставил, а меня... (*с запинкой*) в работники себе повернул. (*Задумался, вскинул головой.*) Да, тридцать семь годов я работаю на него. Слышал, я Ванюшке давеча сказал: силу твою выберут — другой не дадут, — и про себя я это сказал. Вот скоро я совсем ослепну, по миру нищим пойду. (*С сердцем.*) Да и то лучше, чем в аду этом среди злыдней жить.

А л е ш а (*вскинулся, горячо*). И я с тобой пойду, дядя Григорий, я поводырем тебе, водить тебя буду.

Г р и г о р и й (*усмехаясь в бороду*). Вот и ладно, вот и пойдем. А я оглашать стану в городе: «Подайте, слепому работнику Василия Каширина, цехового старшины, а поводырем мне родной внук его, от дочери... вот, мол, он...» (*Ласково хлопает Алешу по плечу.*) Да разве дедушка твой стерпит стыд такой?

А л е ш а (*нахмурилась*). И пусть не стерпит... если обидел тебя!

Вбегают Саша и Катя. У них испуганные лица.

С а ш а. Дядя Григорий, сейчас мы с чердака видели, везут к нашему дому на извозчике, — а чего везут, не разобрать.

К а т я. Нас тятя на чердак запер, а мы в окно вылезли... Народ к нам идет.

Вбегает с крыльца нянька Евгенья, кричит: «Отворяй ворота, Григорий... беда... беда...» Слышно за воротами цоканье копыт лошади, топот, гул, голоса. Григорий отворяет ворота. С извозчика при его помощи, Якова и людей из толпы снимают недвижимого Цыганка. Осторожно несут его по двору, кладут на землю. Голова Цыганка завалилась.

Евгенья (упала перед телом на колени, причитает).
Голубчик ты мой, ястребеночек утешный...

Яков (растерянный до крайности, испуганно, ни к кому не обращаясь, говорит). Споткнулся он, упал, а его и придавило. В спину ударило. И нас бы покалечило, да мы во-время крест-то сбросили.

Григорий (стоял, низко склонившись к Цыганку, сейчас выпрямился. Его словно осенила догадка, лицо его страшно, он глухо говорит, повернувшись всем телом к Якову). Вы его и задавили.

Яков (пугливо озираясь, обращается почему-то к Алеше). Брешет он, брешет. (Разведя руками.) Ну, как это мы?

Григорий (все тем же, не допускающим сомнения тоном). Вы подвели, вы!

Яков (суетливо рассказывает Алеше). Михайло в церковь погнал на лошади за отцом, а я... (жест в сторону Цыганка) на извозчика его... взвалил, да скорей уж сюда... Хорошо, что не сам я под комель-то встал... а то бы вот...

Алеша пятится от дяди в немом ужасе, не спуская с него глаз. Подъезжают еще лошади, во двор вбегают дед, бабушка, Михаил, соседи.

Дед (кричит, потрясая кулаками). Злодеи! Какого вы парня извели! Ведь ему бы цены не было лет через пять... Золотой работник мне был бы!

Бабушка в судорожном безмолвном горе с размаха бросилась к Цыганку, скинув салоп, распласталась по земле, прильнула к его лицу. Алеша кинулся было к бабке, его перехватил дед, отшвырнул в сторону, грозя кому-то кулаком, закричал.

Волки! (Внезапно обессилев, сел на скамью, уперся в нее руками и стал сухо всхлипывать.) Знаю я, он вам поперег глотки встал. Эх, Ванюшечка, дурачок... Что поделаешь, а? Кони — чужие, вожжи — гнилые... (Бормочет.) Мать? А мать? Что, говори, поделаешь?

Бабушка (щупает руками лицо, голову, грудь Цыганка, дышит ему в глаза, хватая его за руки, мнет их, дышит на них. При последних словах деда она тяжело поднялась на ноги, черная вся, в черном блестящем платье со стеклярусом, со сверкающими глазами; не громко, но так, что послушаться ее никто не посмел бы). Вон, окаянные!..

Все, кроме деда и Алеши, бросились прочь.

Алеша (обнял Цыганка, повторяя). Ваничка... Ваня...

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Бабушкина спальня. Бабушка вяжет. Алеша сидит в задумчивости у окна.

Бабушка. Раздевайся, Леня, спать пора.

Алеша. А ты про Цыганка мне еще Расскажи. С самого начала Расскажи, как его маленького нашли.

Бабушка. А так вот и нашли. Весной дело было, раннею. В дождливую ночь. Лежит, чуть попискивает, у ворот, в зипун обернут, почитай, коченеть стал.

Алеша. А зачем, бабана, детей подкидывают?

Бабушка. От бедности, Олеша. Такая бывает бедность, что и сказать нельзя. Дедушка хотел было Ванюшку в полицию нести, да я отговорила: возьмем, мол, себе.

Очень я обрадовалась Иванке, уж больно люблю вас, маленьких. Я вначале Жуком его звала — он бывало ужжал особенно, — совсем жук, ползает и ужжит на все горницы. Нет теперь его... (Утирает глаза.) Утешный был он, Ванюшка.

А л е ш а (горячо). Когда дедушка меня сек, он под розги руки свои подставлял. На другой день опухшую руку покажет и будто сердится: все это без толку, говорит, тебе не легче, а мне, гляди-ка вот... Горой ему, бабая, руку вздувало. А ему все равно, и в другой раз опять подставляет... (Упал головой в подушку.)

Б а б у ш к а (подошла, ласково гладит его). Спать тебе пора. (Ворчливо.) Да помолись на ночь-то. «Отче наш» вытвердил?

А л е ш а (рывком). Не вытвердил.

Б а б у ш к а. Экой ты какой... (Уходит.)

А л е ш а (один, взобрался на кровать, сел на коленях на ноги). Отче наш, иже еси... (останавливается, осененный находкой) иже еси — на небеси... еси — небеси... господи упаси...

Господи, господи, скушно мне.
Хоть бы уж скорей вырасти,
А то — жить терпенья нет,
Хоть удавись — господи, прости.

(Поет похоже, как пел Яков.)

Был бы я собакою,
Бегал бы, где хотел,
А теперь орет на меня всякой:
Сиди да молчи, пострел,
Молчи, пока цел.

Дверь открывается. Катя в рубашонке.

К а т я. Ленька, чего ты мыгчишь?

А л е ш а. Корова мычит, а я молюсь. Иди сюда, слушай. Катя лезет на кровать, садится против Алеши, смотрит ему в рот.

Это вот стихи, мать по книге читала мне:

Большая дорога, прямая дорога,
Простора немало берешь ты у бога,
Тебя не ровняли топор и лопата,
Мягка ты копыту и пылью богата...

К а т я. А еще как ты сам сочинил, скажи!

А л е ш а. А я сам так сочинил:

Дорога, двурога,
Творог, недорога,
Копыто, попы-то, корыто...

Оба весело смеются.

(Важно.) А вот еще стихи книжные:

И вечерней и ранней порою
Много старцев, и вдов, и сирот
Под окошками ходит с сумою,
Христа ради на помощь зовет...

А на нашей улице совсем не так. Вот слушай, как на нашей улице:

Как у наших у ворот
Много старцев и сирот,
Ходят, ноют, хлеба просят,
Наберут...

(Кате.) Ну, к кому носят, говори?

К а т я. Да к Петровне.

А л е ш а. Вот и у меня про нее:

Наберут, к Петровне носят,
Для корсв ей продают
И в овраге водку пьют...

К а т я (хлопает в ладоши от радости). Правда, правда, и в овраге водку пьют.

А л е ш а (нахмурился). А ты не перебивай. Слушай дальше:

Не люблю я нищих
И дедушку тоже.

К а т я (в испуге). Ой, ой...

А л е ш а.

Как тут быть,
Прости меня, боже:
Дед всегда ищет,
За что меня бить...

При последних словах входит бабушка, говорит сердито, оглядываясь.

Бабушка. Что ты говоришь? Отсохни твой язык. Да как дед услышит такие слова, не встать тебе со скамьи. (Оборачивается к Кате.) Брысь под печку!

Катя проворно, шлепая голыми пятками, убегает из комнаты.

А л е ш а. Где так долго, бабаня, была?

Бабушка. Деда уещала, чтоб Сашу не бил бы очень-то. Мелкой кости мальчишка, хворый...

А л е ш а (с злым интересом). Маленьких всегда бьют?

Бабушка (спокойно и со вздохом). Всегда.

А л е ш а (еще злее). А тебя дед бил?

Бабушка (так же спокойно). Бил.

А л е ш а (с горячностью). Разве он сильнее тебя?

Бабушка. Не сильнее, а старше. Кроме того — муж. Мне заказано богом терпеть...

А л е ш а (бьет с размаха кулаком по подушке). А я не хочу терпеть!

Бабушка (вздыхая). Ох, Леня, Леня, голуба-душа... (Отгнав от себя какие-то мысли.) Спи ка, Леня, теперь я богу помолюсь. (Идет к киоту, становится на колени, говорит просто, как беседует.) Ты, господи, сам знаешь — всякому хочется, что получше. Сыновья-то ведь как ссорятся. Михайло-то старшой, ему бы в городе остаться, за реку ехать обидно ему. А отец — он Якова больше любит. Али это хорошо — неровно-то детей любить? Упрям старик, — ты бы, господи, вразумил его. Наведи-ка ты, гос-

поди, добрый сон на него, как надобно детей-то делить.
(Пауза. *Оправила большой платок на плечах.*)

Алеша весь изогнулся на кровати, слушает бабушкину молитву.

Барваре-то улыбнулся бы радостью какой. Что это: женщина молодая, здоровая, у чужих людей в печали живет. И вспомяни, господи, Григория, глаза-то у него все хуже. Ослепнет — по миру пойдет. Ох, нехорошо! Всю свою силу он на дедушку истратил, а дедушка разве поможет? (Слышит шорох, оглядывается, встает с колен, подходит к внуку.)

Алеша притворяется спящим.

(Тихонько.) Ведь врешь, поди, разбойник, не спишь, голуба-душа. (Рычит.) А-а, так ты над бабушкой-старухой шутки шутить затеял. (Берет одеяло за край, ловко и сильно дергает его к себе.)

Алеша подскакивает в воздухе, уцепившись за одеяло, и, перевернувшись, шлепается в мягкую перину. Весело смеются.

Что, редькин сын, съел комара? (Укрывает заботливо.) Спи, Леня, спи. (Снова подходит к кювету, опускается на колени.) Ну, что еще? Лексей, вот, не дается деду, все поперек слова норовит сказать. И как ему жить, сироте?.. (Поникает, задумывается.)

Распахнув дверь, врывается в комнату в одной рубахе дед.

Д е д. Ну, мать, посетил нас господь — горим...

Б а б у ш к а. Да что ты? (Бросилась к соседней комнате.) Евгенья, одевай детей, уведи к соседям! (Бросается вон.)

За ней дед. Алеша кубарем на пол, ищет, что на себя накинуть. За дверью голоса, крики, женский вой. Евгенья тащит за руки во что попало одетых Сашу и Катю.

С а ш а. Ой, боюсь я... (Плачет.)

К а т я. А я не плачу. Леня, я с тобой. Ой, как светло, совсем день. Няня, няня!

Е в г е н ь я. Пожар это. *(Крестится, причитает.)* Спаси нас царица небесная...

Б а б у ш к а *(вбегаёт обратно с топором, кричит Евгенью)*. Отведи подальше детей, раму высадить надо...

Е в г е н ь я *(оттягивает детей, причитает)*. Ой, батюшки, вот разоренье-то...

Б а б у ш к а *(строго)*. Не хнычь... Пособи...

Бабушка и Евгений вдвоем выбивают раму.

К а т я. Ой, морозно мне.

С а ш а. Боюсь... боюсь... Огонь сюда пышет... *(Прячется за кровать.)*

А л е ш а *(хватает бабушку за юбку)*. Не упади за окошко, бабаня!

Е в г е н ь я *(обернулась)*. Господи, Саша убег... *(Кидается вон за дверь.)*

Б а б у ш к а *(высунувшись далеко за окошко, кричит кому-то во дворе)*. Сюда, в окно бутыль подайте. Купорос ведь, дураки, взорвет купорос! *(Принимает, глубоко нагнувшись, большую бутыль, ставит рядом с Алешей.)* Не бойся, уйдем огонь-то.

Я к о в вбегаёт, босой, безумный.

Я к о в *(кричит)*. Это мишкино дело!.. Это Мишка поджег! Поджег да ушел! Ага!..

Б а б у ш к а *(выталкивая Якова)*. Цыц, пес! Отворяй ворота соседям. *(Подошла к окну, голосом, не терпящим возражения.)* Рубите крышу!.. Сено в сад! Амбар отстаивайте! Соседи, наше сгорит, и ваше займется!

В окно видно пламя пожара. Слышно ржание коня.

А л е ш а. Бабаня, а лошадь-то заперта...

Бабушка (ринулась далеко в окно). Отец, лошадь выведи... (Обмотала голову.) Нет, сама лучше...

Алеша. Бабадя, куда ты?

Бабушка. Да уж я сама... (Бежит во двор.)

Евгенья (вбегает, запыхавшись, видит Сашу, выглядывающего из-за кровати). Здесь ты!.. Господи, страсти какие!.. Идем к соседям... (Берет за руки плачущих от страха Сашу и Катю. Кричит.) Леша, Лексей!

Алеша спрятался от няньки за кровать; когда нянька с детьми уходит, бросается к окну.

В окне появляется силуэт бабушки на ярком фоне огня. Она держит под уздцы лошадь; похлопывая ее по шее, уговаривает: «А ты не бойся. Али я тебя оставлю в страхе этом?» Слышны звонки пожарных, цоканье копыт, рожок, крики, грохот сломанных построек. Огонь в окне постепенно затихает. В темную комнату входит бабушка, зажигает огонь, лампаду перед кнотом.

Бабушка. Ты здесь, Олешенька? Ну вот, все уж кончилось... Потушили.

Алеша (восхищенный). Бабадя, как это ты коня вывела?

Бабушка (дует на руки). Рученьки мои... Рученьки больно...

Дед (входит, останавливается у порога, говорит необычно тихо). Мать...

Бабушка. Ой?

Дед. Обожглась?

Бабушка. Ничего.

Дед сел рядом.

Алеша (весело). Оба вы сажей вымазаны.

Бабушка (деду). И то правда, умылся бы...

Дед (осторожно погладил бабушку по плечу). Милостив бывает господь до тебя, большой тебе разум дает. (Осклабься.) На краткое время, на час, а дает... (Алеше.) Весь пожар видел, с начала? Бабушка-то какова? а?

Старуха ведь... Бита, ломана... то-то же! Эх, вы-и... Ну, боялся ты?

А л е ш а. Нет.

Д е д (важно). И нечего бояться...

Б а б у ш к а. А теперь пусть малый заснет, идем, отец, умоемся...

Уходят. Алеша в изнеможении клонит на стол голову и засыпает. В окне уже виден рассвет. Михаил, совсем пьяный, появляется в дверях, что-то высматривает. Не может удержаться на ногах, садится на пол.

М и х а и л (кричит). Погорели-и? А деньги мои где? Отец, давай мои деньги! Все для Яшки да для Варьки бережешь... Врешь!.. (Хлопает ладонью по полу.)

Алеша просыпается в испуге, хочет уйти.

(Хватает его за ногу.) Это кто? Алешка? Варькино племя?

Алеша падает на пол.

А л е ш а (вскрикивая запальчиво). Дурак!

М и х а и л (поднялся на ноги, схватил мальчика и заревел, размахнувшись им). Р-расшибу об печку...

Вбегают бабушка, дед, Яков. В сутолоке отнимают Алешу. выталкивают Михаила, который успевает в дверях сцепиться с Яковом.

Д е д (убито). Видно, делиться надо, мать.

Б а б у ш к а. Надо, отец, надо.

Д е д. Ну, вот, значит: Михайло за реку, Яков здесь останется, а мы с тобой — на новое место. (Встает, махнул рукой, идет к двери.) И без красильни!.. Прахом, все прахом пошло!.. (Уходит.)

Б а б у ш к а (сидит неподвижно. Встает, подходит к подпечку, вынимает лапоть и, закинув его в подпечек, говорит). Домовик-родовик, вот тебе сани, поезжай-ка с нами, на новое место, на иное счастье...

Акт IV

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Дворик нового дома Каширина. Небольшой деревянный мещанский домик. За забором на соседний двор виден журавель колодца. Весна. Солнце греет. У домика на лавке сидит дед, поодаль бабушка с вязаньем, около нее Алеша. Дед что-то бормочет, углублен в себя.

Бабушка. Ну, вот, Олеша, голубя-душа, зажили мы теперь тихо-о! Слава те, царица небесная, уж так-то ли хорошо стало все.

Дед (кашляет, потом хватается за бок). В бок стреляет. Ты гляди, не помереть бы мне.

Бабушка. Не бойся, догляжу.

Дед. То-то. Теперь помереть, это будет как бы и во-все не жил — все прахом пойдет. (Бормочет.) Сладить бы дельце с барином-то... Пятью... сто...

Алеша (бабушке). Чего это он, бабаня?

Бабушка (усмехаясь). У него свои мысли. Все считает, что осталось у него. Ох-хо-хо...

Дед (шумно вздохнув). А то помог бы Никола-угодник продать домишко это хоть с двумястами пользы — отслужил бы ему молебен.

Бабушка. Так тебе Никола и станет дома продавать. Нет у него, Николы-батюшки, никакого дела лучше-то.

Дед (*закипев*). Цыц! (*Поутихнув.*) А Мишка с Яшкой озоруют, пьянствуют, срамят меня по городу. Не удалась дети-то, с коей стороны ни возьми.— не удалась. Вот Варвара...

Бабушка. А ты полно, отец, пошто так говоришь?

Дед. Чего полно? Мать твоя, Лексей, замуж вышла. Теперь ты от нее отрезан ломоть. Пойдут у нее другие дети, будут они ей ближе тебя. Бабушка вот болеть стала, да и я скоро умру. Значит, останешься ты один — сам про себя, своей жизни добытчик. Понял?

Алеша (*хмуро*). Понял.

Дед. Вот. Мы — не बारे. Учить нас некому. Нам надо все самим добывать. Для других вон книги написаны, училища выстроены, а для нас ничего не поспело... (*Вынимает из-за пазухи новенькую книжку, шлепнул ею по ладони, ворчливый голос изменился на бодрый, звонкий.*) А ну-ка вот, пермяк солены уши, поди сюда! Садись, скула калмыцкая! Видишь фигуру? Это — аз. Говори — аз.

Алеша. Аз.

Дед (*тыча пальцем*). Буки. Веди. Это — что?

Алеша. Буки.

Дед. Попал! Это?

Алеша. Веди.

Дед. Врешь, аз. (*Горячась.*) Гляди: глаголь, добро, есть, живете, земля, иже, како, люди. Это мыслете, наш, он... Это — что?

Алеша. Добро.

Дед (*обхватив его рукой*). Это?

Алеша. Земля.

Дед (*кричит*). Это?

Алеша (*тоже кричит*). Люди! Есть! Глаголь! Живете!

Дед и Алеша (*кричат вместе*). Наш! Како! Мыслете!

Д е д (оттолкнул Алешу, закашлялся). Мать, ты гляди, как взвился, а? Ах, ты, лихорадка астраханская, ты чего орешь, чего?

А л е ш а. Это ты кричишь...

Б а б у ш к а (смеясь). Да будет вам надрываться-то...

Д е д (бабушке). Стой, молчи! Это мне впору, а то меня мысли одолевают. (Алеше.) Я кричу, потому что я больной, а ты — чего? (Бабушке.) А память у него, слава богу, лошадиная. Вали дальше, курнос!

А л е ш а. Посмотри, дедушка, на что буквы похожи — «земля» на червяка, вот это вот — это мы с бабушкой, «глаголь» похож на дядю Григория... согнувшись он...

Д е д (отталкивая его, хмуро). Не болтай, чортова мельница. Пшел! (Сует ему книжку.) Завтра ты мне всю азбуку без ошибки скажешь, а то... вон розог-то сколько растет!

А л е ш а (озорно). А ведь ты меня, пожалуй, и раньше-то зря бил?

Д е д (грозно). Чего-о? Ах ты, еретик! Да как же можешь сосчитать, сколько тебя сечь надобно? Кто может знать это, кроме меня? (Схватил его за плечо, заглянул в глаза пылливо.) Хитер ты али простодушен? а?

А л е ш а. Не знаю...

Д е д. Ну, так я тебе скажу: будь хитер, это лучше, а простодушность та же глупость, понял? Баран простодушен. (Бабушке.) Ну, пора мне к барину. (Идет в дом.)

Б а б у ш к а (Алеше). А ты его не очень-то слушай. голуба́-душа. Грамотей он едучий, а не больно умен.

А л е ш а. К какому барину идет он?

Б а б у ш к а. Деньги-то, что после раздела остались, в рост отдал под большушие барыши. (Усмехаясь.) Хитрит все, богу насмех. И хочется подняться ему, дурачку, и страшно за деньги-то свои последние. (Приподнялась, за-

глянула в окно, смеется.) Цехового старшины мундир надевает. (Грозит Алеше.) А ты не смейся, Олеша, не дразни его, трудно ему, старому, (вдохнув) неудачи все... Шш... Нишкни...

Дед в старинном мундире, брюках на выпуск, в руках шляпа с позументом, выходит торжественно из дому, останавливается, крестится широким крестом, молится порывисто: «Погаси пламень страстей моих, яко нищ есмь и окаянен... Уврачуи души моея многолетние страсти...»

Бабушка (подталкивает Алешу, указывая на деда).
Козленок чистенький...

Алеша фыркнул в кулак. Дед грозно оглянулся, уходит.

(Вдохнув.) Ах, дедушка, дедушка, малая ты пылинка в божьем глазу!

Алеша наблюдая за дедом, выбегает за ворота, но в это время с другой стороны появляется слепой Григорий, он подвигается к дому Каширина, дробно стуча перед собой палкой. Алеша останавливается, отступает и бежит тихо обратно.

Алеша (бабушке). Григорий ходит по улице.

Бабушка (беспокойно и жалостливо). Ну? (Дает ему медь.) На-ко, беги, подай ему.

Алеша пятится, трясет головой, не берет деньги.

Экой ты... (Вдохнув идет к воротам, кланяется низко Григорию, дает деньги.) Прими, Григорий Иванович.

Григорий. А, Акулина Ивановна. А что, Лексей Максимыч, внучек ваш, здоров ли живет?

Бабушка. Как же, как же... (Оглядывается, ищет глазами Алешу, который спрятался за выступ дома.) Здесь он где-то...

Григорий. Горяч мальчик, в отца вышел. Пешковы — хорошая кровь. Вспоминаю его.

Бабушка (скорбно). Всю-то силушку свою, Гриша, на нас ты потратил.

Григорий. Да, была сила. Была... Сейчас впору мне только по миру... ослеп я...

Бабушка возвращается, тихонько плача, опустив голову. Алеша подходит к ней, берет за руку.

Бабушка (вытирая головным платком глаза). Ты что же бегаешь от него? Он тебя любит, он хороший ведь...

Алеша (горячо). Отчего, бабаня, дедушка не кормит его?

Бабушка. Дедушка-то? (Прижала к себе Алешу, говорит тихо.) Помяни мое слово, горестно еще поплатится дедушка за этого человека. Пойти, коклюшки переменить. (Уходит в дом.)

Алеша (садится на скамью, задумчиво вспоминает слова Григория). Гляди всем прямо в глаза. Собака на тебя бросится, и ей тоже — отстанет...

За забором шум игры. Видно, как летают лапти. Алеша подбегает, смотрит в щель. Бабушка выходит из дома.

Бабаня! Играют как! Лаптями кидаются! У одного лапоть-то в бадью упал! А он за ним вскочил!— В бадью!! Утонет!!

Видно, как журавель наклоняется со скрипом. Алеша быстро вскочил на забор, уцепился за ветку, спрыгнул на ту сторону. Слышен шум, возня. Журавель снова поднимается со скрипом. Входят через калитку Алеша, Кострома, Вяхирь. Ведут мокрого, обескураженного Хаби. Бабушка всплеснула руками.

Кострома (Алеше). Ты очень быстро прибежал! Раньше нас!

Вяхирь (сияя, протягивает руку). Давай дружить? Ладно?

Алеша (встряхнул его руку, весело). Ладно!

Вя хир ь. Ну, вот! (*Оглядывая всех.*) Мы теперь все товарищи, все четверо!

А л е ш а. Баба ня! я ему свою рубашку сухую принесу.

Ба бу ш ка. Неси, Леня! Для дружка-приятеля ничего не жаль. (*Хаби.*) Житель ты бесстрашный! По обличью ты будто не здешний! Откуда будешь?

Во время последующего диалога Хаби переодевают в принесенную Алешей рубашку.

Х а б и. Хаби зовут. Далеко жил. Город большой на реке... забыл я город.

А л е ш а. А река какая? И реку забыл?

Х а б и. Зачем река забыл? Река помню. Кама зовут. Дядька мой — грузчик, привез меня сюда, да и утонул сам. Снится мне город. Хочу туда ехать.

А л е ш а. Да как город-то твой называется?

Х а б и (*грустно*). Забыл...

Ба бу ш ка. А где он? В какой стороне?

Х а б и. Да на Каме.

А л е ш а (*рассмеялся*). Вот так город! (*Задумался на миг, запел с веселым вдохновением.*)

Город на Каме,
Где, не знаем сами,
Не достать руками,
Не дойти ногами.

Все смеются. Хаби вспыхнул, кинулся на Алешу, лицо гневное, хочет драться.

Вя хир ь (*хватает его за руку, говорит кротко, удивленно*). Чего ты? разве на товарищев сердуются?

Х а б и (*смугился, потом лицо его добродушно расплылось, смеется*). Ай, шайтан!

К о с т р о м а (*смеясь*). Ну, вот. Эх, ты! (*Товарищам.*) Сядем.

Алеша, Кострома, Хаби садятся.

Вяхирь (*азартно*). Пошто на траву сели? Сели бы мимо на песок, не все ли равно? Только траву мнете, вот уж черти!

Мальчики смеются, пересаживаются на песок. Вяхирь разглаживает траву рукой.

Кострома (*весело*). Вот он всегда такой, Вяхирь. Ходим мы по дворам, по канавам лазаем, уж какие там деревья да трава в слободе-то, песок все больше. А он охраняет былинки-то эти, словно это его все. (*Ласково смотрит на Вяхиря.*) Смешной он у нас!

Бабушка. А что ж вы ходите, горемычные? Пошто?

Кострома. А мы, бабушка, ветошь собираем. Наберем пуд костей — ветошники восемь копеек, а то и десять дадут, а за тряпки да железо еще поболее. Да плохо собрали седни, еще пойдем. А у меня матка больна, нам на двоих пятак в день надо. Хлеба два фунта надо?

Алеша. Надо.

Кострома. Четыре копейки. Да на копейку сахару. Вот и пятак.

Хабан. А Вяхирю семь копеек надо. У него мать пьяница. Бьет его, коли не принесет ей на шкалик. Вот шайтан!

Алеша. Верно, Вяхирь?

Вяхирь. Верно. Вот и вчера ночью пришла моя мордовка...

Хабан (*смеется, указывая на Вяхиря*). Это он мать свою мордовкой зовет!

Вяхирь. ...пришла пьяная, расхлебянила дверь, так и заснула на пороге, выстудила горницу беда как, я весь дрожу, чуть не замерз, стащить ее — сил нехватает. Уж сегодня утром говорю ей: что ты такая страшная пьяница? А она говорит: ничего, потерпи немножко, я уж скоро умру...

Кострома. Это верно. Она скоро умрет.

Алеша (Вяхирю). Жалко будет тебе?

Вяхирь (удивляясь). А как же? Она ведь у меня хорошая... (Вздыхнув.) Мне учиться охота. Схороню свою мордовку, пойду в училище, поклонюсь учителю в ножки, чтобы взял меня учиться.

Алеша (хмуро). Дед говорит: для нас еще и училища не выстроены, и ученья никто не даст. (Оживляясь.) А мы сами возьмем. Я уж начал учиться. Дед говорит, что мне легко учиться — у меня память лошадиная.

Вяхирь и Кострома хохочут.

Вяхирь. Лошадиная!!

Хаби (встает, подходит к Алеше). И меня учи. Пожалуйста, учи.

Алеша (горячо). Будем мы все грамотные, найдем мы ему (указывает на Хаби) город на Каме...

Кострома (весело). А — что ж? И — найдем.

Запевают: «Город на Ка-аме...»

Хаби вспыхивает.

Вяхирь. Что ты? На товарищев?

Все смеются. Поют: «Где, не знаем сами...»

Алеша (перехватывает песню).

Но дойдем ногами,
Но возьмем руками...
Город...

(Обрывает песню, встает, смотрит на улицу.) Бабаля, дедушка идет, руками машет... видать, сердитый.

Бабушка (спокойно). Борони бог! (Мальчикам.) А вы, шишки милые, на глаза ему не попадайтесь! Еще неизвестно, из какой тучи гром...

Кострома (Вяхирю и Хаби). Ай-да через забор.

Лезут: Дед идет по двору, борода у него растрепана, глаза блуждают. Бабушка и Алеша с недоумением смотрят на него. Дед оставивается перед домом, потом пошел в дом, приказал глухо: «Лексей, иди пособлять». Через минуту оба с охалками подушек, плошек, посуды появляются, бросая все в кучу. Алеша стоит, онемевший от изумления.

Дед (торжественно). Ну, мать, кормил я тебя, кормил, будет. Добывай теперь себе хлеб сама.

Бабушка (вынула табакерку, зарядила нос, говорит спокойно). Ну, что ж? Коли так — так эдак...

Дед (указывая на вещи). Это — твое, и больше с меня ничего не спрашивай! И... дом продаю... (Сделал несколько шагов и вдруг рухнул на колени около скамьи.) Господи, али я грешнее других? За что-о?

Бабушка (подходит, хочет поднять его). Ну, что уж ты растосковался так?

Дед (поднимаясь с колен, садясь на лавку, убито). Пропали деньги! Обанкрутился барин!

Бабушка (умиротворяюще). Господь знает, что делает. Полно-ка, отец!

Дед (вскочив с лавки, кулаком на небо). Знает?! У могилы вот настиг! Последние дни наши, а — ни покоя, ни радости нет, и — не быть! И — помяни мое слово! — еще нищими подохнем, нищими!

Бабушка (взяла его за руки, посадила снова, села рядом и тихонько, легко рассмеялась). Эка беда! Чего испугался — нищими! Ну, и — нищими. Ты, знай, сиди себе дома, а по миру-то я пойду, — не бойсь, мне подадут, сыгты будем! Ты брось-ка все!

Алеша, видя мирную беседу, подходит к ним улыбаясь. Дед горько усмехнулся на бабушкину речь, повернулся к бабушке, схватил ее за шею, прижался к ней — маленький, измятый.

Дед (всхлипывая). Эх, ду-ура, блаженная ты дура,

последний мне человек! Ничего тебе, дуре, не жалко, ничего ты не понимаешь! Ты бы вспомнила: али мы с тобою не работали, али не грешил я ради детей... *(Вдруг, вскипев, вскочил.)* А дети-то, Мишка с Яшкой, мотают, пропивают мое добро...

Бабушка *(подходит к нему)*. Полно...

Дед *(быстро повертывается и с размаху ударяет ее кулаком с криком)*. А все ты потакала им, татам, потатчица! *(Валит ее ударами на землю.)* Ты, ведьма!..

Алеша вне себя хватает все, что под руками,— подушки, сапоги, швыряет яростно в деда и кричит: «Не смей бить! Не смей!» Дед отступает, попадает ногой в ведро с водой, опрокидывает его и, отфыркиваясь, убегает в дом. Алеша за ним, но перед ним захлопывается дверь.

(Иступленно кричит, появляясь в окне.) Что, разбойник?!

Алеша *(наступая на него)*. Не стыдно тебе, дед?

Дед. Кому ты это говоришь? Деду своему? Матери твоей родному отцу? Опиваете вы меня, объедаете до костей. Эх, вы-и!.. *(Скрывается.)*

Алеша *(подходя к бабушке)*. Бабадя, да если он тебя, да я его...

Бабушка *(оправляясь)*. А ты полно. Ну, что такое? Стар старичок, вот и дурит. И пускай дурит,— кому горе? А я себе да тебе добуду кусок. Ты — не бойсь!

Алеша. Я тебе добуду. Я — в ветошники пойду.

Бабушка *(потупившись, скрывая слезы)*. Ну, вот, и спасибо тебе, голубá-душа. Мы с тобой — не прокормимся? Мы-то? Велико дело!

По улице проходят Вяхирь, Кострома, Хаби с палками, с мешками за спиной. Свистят, кричат: «Леша!»

Алеша *(кричит)*. Иду с вами! *(Бежит за картузом, затем к товарищам.)*

В доме дед что-то ворочает, передвигает, слышен грохот.

Бабушка (снова за вязаньем, говорит усмехаясь, задумчиво, сама себе). Тащи-и!.. Ломай!.. Вот тебе и сани, поезжай-ко с нами, на новое место, на иное счастье!

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Набережная Волги. Пристани. Торговцы, нищие, босяки, грузчики. Бакалейная лавка с пивным столиком у дверей. В дверях стоит бакалейщик. С парадного трапа спускается дядя Яков с гитарой, навеселе, обношенный, ободранный, опустившийся, весь словно измятый.

Яков (поет).

Судьба веселью не помеха.
Пускай она в дугу нас гнет,
Мы будем жить для ради смеха.
Дурак, кто иначе живет!..

(Садится за столик.)

Бакалейщик (насмешливо). На много ль поживилась, Яков Василич?

Яков (гордо). Поживился? Мне за веселье деньги платят. Отец мой говорил мне — х-хо... По песням ты — царь Давид... (другим тоном), а по делам — Авессалом ядовит. (Кладет деньги на столик.) Давай, Кузьмич, пива. Все одно Сашка-сын все деньги отберет.

Появляются мальчишки с палками, с пустыми мешками.

Кострома (пересыпая монеты на руке, недовольно). Эти ветошники всегда обсчитать норовят. Если бы не ты, Алеша...

Алеша. Стой!

Все останавливаются.

Вяхирь, учил я тебя, ну, прочти. (Показывает на вывеску.)

Все, сгрудившись, смотрят.

Вяхирь. Ба-ла-кей-ная лавка...

А л е ш а (весело). Бакалейная, кикимора!

В я х и р ь. Я вижу, да перескакивают буквовки.

К о с т р о м а. Буквовки!!

В я х и р ь (смущенно). Они прыгают — рады, что читают их.

Х а б и (ухмыляясь). Ай, шайтан, Вяхирь, смешно говорит.

Пошли дальше.

А л е ш а. Стой!

Подходят ближе к авансцене. Алеша в середине.

Давайте сложимся по копейке вяхиревой матери на шкалик, а то она опять побьет его.

Каждый дает по копейке.

Ну, теперь дале.

Идут мимо пьющего Якова.

Я к о в. Алешка! Племянник!

Алеша отстает от товарищей, подходит.

Эк тебя вытянуло! Садись!

А л е ш а. Дядя Яков? Ты чего здесь с гитарой делаешь?

Я к о в. А я, брат, пассажирам на пароходе песни пою. За угощение. (Нагнулся к Алеше.) Продулся я, пропился — кругом чисто. И теперь вот, что поверх угощения купцы деньгами дадут, все Сашка-сын отберет, карманы вывернет — кругом чисто. Он у меня строг, он в церковном хоре поет. Во как! Он, брат, урядником быть мечтает, шапку с кокардой носить будет. Во как!

А л е ш а. А Катя? Катя что?

Я к о в. Катя, сестренка твоя, и раньше тиха была, а сей час и вовсе забьют ее. Михаил-то женился на трактирщицкой дочери, — ох, злой души баба. И Катьку бьет, и

его бьет (хохочет, крутит головой), потому она думала — за богатого идет, а он тоже — кругом чисто. (Вытирает рукавом слезы, выступившие от смеха.) Дедушку-то выдаешь? Невеселый старичок. Побирается. С ума, слышно, сходит.

Бакалейщик (смеется). Да вот он, легок на помине, Василий Василч, цеховой старшина...

Дед (очень постарел, неясно различает перед собой людей, тянет протяжно, почти поет несурзное). Повара мои добрые, подайте пирожка кусок, пирожка-то мне бы. Эх, вы-и... (Подходит к Якову, не узнавая.) Люди добрые...

Яков (вскочив перед самым дедом, озорно, рывком по гитаре).

...Будем жить для ради смеха.
Дурак, кто иначе живет!..

Смурый идет с пароходного трапа, толстый, огромный, в белой куртке. Отшвыривает Якова с дороги.

Смурый (мрачно). Дурак и есть! Брысь! Аз-зиат! (Садится за столик, требует пива.)

Алеша (подходит к деду). Дедушка, уйдем, уйдем отсюда.

Дед. Повара мои добрые, подайте...

На голос деда подвигается слепой Григорий, вedomый старушкой.

Григорий (вынимая из мешка краюшку хлеба). Примми, Василий Василч.

Дед (берет краюшку, с недоумением взглядывает, кричит). Объели меня, до костей объели! (Бежит с куском к причальной тумбе, садится, где и остается в продолжение последующих сцен, что-то бормоча.)

Въезжает тележка с товаром, разделяя Алешу, Григория, деда. Тележку обступают прохожие.

Продавец (*звонким голосом*). А вот товар масковский, атличный, фабричный, аккуратный, аппаратный, пахучий, тягучий. Благовонные мыла! Небесные духи! Столичные книги! «Андрей бесстрашный», «Япанча, татарский наездник», «Болезни домашних животных» — не желаете ли просветиться? Красавица, купите зеркальце! Тетка, ты так гребень сломаешь!

При упоминании книг **Смурый** встает и подходит к тележке, там же оказывается и **Алеша**.

(*Смурому.*) Почтенный! Вот книжка «Битва русских с кабардинцами», «Предание о том, как один солдат все войско побил». Полюбопытствуйте!

Смурый (*кричит, грубо*). Что ты мне брехни суешь? Не может того быть! Я ж сам солдат... (*Отбирает себе книги.*)

Алеша проталкивается к книгам. **Смурый** толкает его, он толкает **Смурого**.

(*Грозно.*) Ты чего?

Алеша. А ты чего?

Смурый. Да ты кто такой?

Алеша (*озорно*). Человек.

Смурый (*расплываясь в добродушной улыбке*). Ишь ты! А я и не заметил. (*Опять строго.*) Подь сюда! (*Садится за столик.*)

Алеша перед ним.

Отец-мать кормят?

Алеша. Нет.

Смурый. Ты — школьник?

Алеша. Нет.

Смурый. Воруешь?

Алеша. Нет.

Смурый (*притворно грозно*). Так шо ж тебе надо?

А л е ш а. Книги хочу читать.

С м у р ы й (крутым движением за руку). Садись! (Берет сверху лежащую книгу.) Про что книга, читай.

А л е ш а. «Умбракул, распещренный звездами, удобное сообщение с небом, которое имеют они освобождением себя от пороков».

С м у р ы й. Стой! Вот чертовщина! (Отбирает у него книгу.) Опять не то... (На продавца.) Подсунул, мошенник... На чорта он сдался мне, Умбракул этот. (Задумчиво.) Должны быть иные книги... (Раскрывает другую книгу.) Вот тут стихи... Катай отсюда.

А л е ш а.

Профаны, любопытствующие знать наши дела,
Никогда слабые ваши очи не узрят оных.
Вы и того не узнаете, как псют фреры.

С м у р ы й. Стой! Да, это ж не стихи! Сочиняют, ракали. Как по зубам бьют, а за что — нельзя понять. (С горечью.) «Не узнаю»... «не узрю»... Конечно, где-нибудь есть что-нибудь скрытое. Не быть его не может! (Алеше.) А ты ищи! (Горячо.) Не поймешь книгу, семь раз прочитай, семь не поймешь — прочитай двенадцать! Все книги надо читать, тогда найдешь правильные...

А л е ш а (тем временем взял со стола третью книгу, перелистывает). Вот тут стихи.

С м у р ы й. А ну-ка, читай.

А л е ш а.

Как высоко твое, о человек, призванье,
Как ты велик, на землю павший свет.
Есть все в твоей душе, чем полно мирозданье,
В ней все нашло созвучье и ответ...

С м у р ы й (растрогавшись). Хорошо... Правильная книга это, — просто праздник... «Как высоко твое, о человек,

призванье...» Тут тебе и весь разум, и — все. А людям-то разума дано скупое и не ровное. Один понимает, другой не понимает, а есть такие, что и вовсе уж не хотят понять, а? Иной раз не знаю, что сделал бы... даже на колени бы встал и спросил: что ж вы делаете, сукины дети? Что вы, слепые? Верблюды!.. (Алеше.) Пропадешь ты в свином стаде, жалко мне тебя, кутенок.

Алеша. А вот и не пропаду!

Смурый. Будь ты, птица, побольше, я бы многому тебя научил. Мне есть что сказать человеку, я не дурак... Ты читай, это не пустяки, книги. Хочешь пива?

Алеша. Не пью и пить не стану.

Смурый. Ну, добре. И не пей. Пьянство — это горе. Водка — чортово дело. Будь я богатый, погнал бы я тебя учиться. Неученый человек — бык, его хоть в ярмо, хоть на мясо, а он только хвостом мотает... (Вскипая.) Ведь из человека-то кого делают? (Затихая.) Ты мне потом еще о человеке-то прочтешь... (Спохватываясь.) Постой, постой! Да ты кто таков? Чем промышляешь?

Алеша. Ветошник я. Тряпки, гвозди собираю...

Смурый. Так ведь ветошничество — это горе. Вот что: хочешь ко мне в поваренки?

Алеша (радостно). Хочу.

Смурый. Иди скажи отцу-матери...

Алеша. Нет у меня отца-матери. Бабушка есть.

Смурый. Беги, докладывай бабке. Да живо! (Смотрит в небо.) Скоро и отшвартуемся.

Алеша убегает.

(Сидит в задумчивости.) «Как высоко твое, о человек, призванье»...

К пароходу идут пассажиры. Проходит пьяная компания купчиков. Один играет на гармонике, поет.

Купчик.

Эх, Машуха полорота,
Ты не шляйся за ворота...
И-э-эх!..

Смурый. Тьфу! Аз-зиаты!

Бакалейщик (*появляясь в дверях*). С веселой компанией поедете, Михайло Акимыч!

Смурый. Теперь до самой Казани пить будут. Потом свалятся, скоты. Река, вот, говорят, есть по имени — Пьяная. И пристань — Пьяный Бор. В полку у нас каптенармус был — Пьянков. И писарь — Запивохин... Да еще капитан Пивопей... (*Вставая.*) И ничего... Оправдывали свое фамилие. Верблюды! (*Идет на пароход.*)

Появляются бабушка, Алеша, мальчики — Вяхирь, Хаби, Кострома. Они кричат наперебой: «Вон пароход-то стоит!» — «Верно, и повар там, во толстый какой!» — «Сейчас и поедешь, Алешка?»

Алеша (*прощаясь со всеми за руку*). Прощайте, живите дружно без меня, а я опять...

Пассажиры оттесняют их, отодвигают к трапу.
Алеша и бабушка.

Бабушка. Прощай, Леня. Ты не сердись на людей, — ты сердисься все, строг и заносчив стал. Это — от деда у тебя, а что он, дед? Жил, жил, да в дураки и вышел, горький старик...

Алеша (*хмуро*). Что мне дед? Я не по дедову жить буду... (*Просияв.*) Бабаня, там повар — страшный, сердитый. Только это нарошно, а сам — добрый. Учить меня будет...

Бабушка. Ну, вот. Хороших-то людей много, только поищи — найдешь. Прощай, ну...

Обнимаются. Алеша бежит по трапу. Мальчики ему машут.

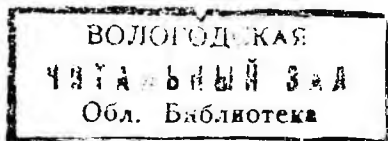
(Вытирая слезы концом старенькой шали, и улыбаясь, и плача.) Господи, господи, хорошо-то все как... Жить я согласна веки-вечные...

Д е д (сидит на деревянной тумбочке причала, весь согнувшись, похожий на сучок). Эх, вы-и...

А л е ш а (кричит с борта). Бабаня, а лапоть-то забыла мне дать: на новое место, на иное счастье...

Б а б у ш к а (с ласковой укоризной). Ну, ну, озорник! Ребята смеются. Шум колес, гудок парохода заглушают слова Алеши.

К О Н Е Ц

Редактор Л. Циновский

Подписано к печати 14/V 1941 г.
А39088. „Искусство“ № 2434.
Кол. печ. лист. 2 $\frac{1}{2}$. Кол. уч.-
изд. л. 3,16. Тираж 5000 экз.

Цена 1 р. 75 к.

Отпечатано в типографии „Крас-
ный печатник“ Гос. изд-ва „Ис-
кусство“. Москва, ул. 25 Октяб-
ря, д. 5. Заказ 225.

47
56

52

п. 53 г.

1 р. 75 к.

17.11

17.11